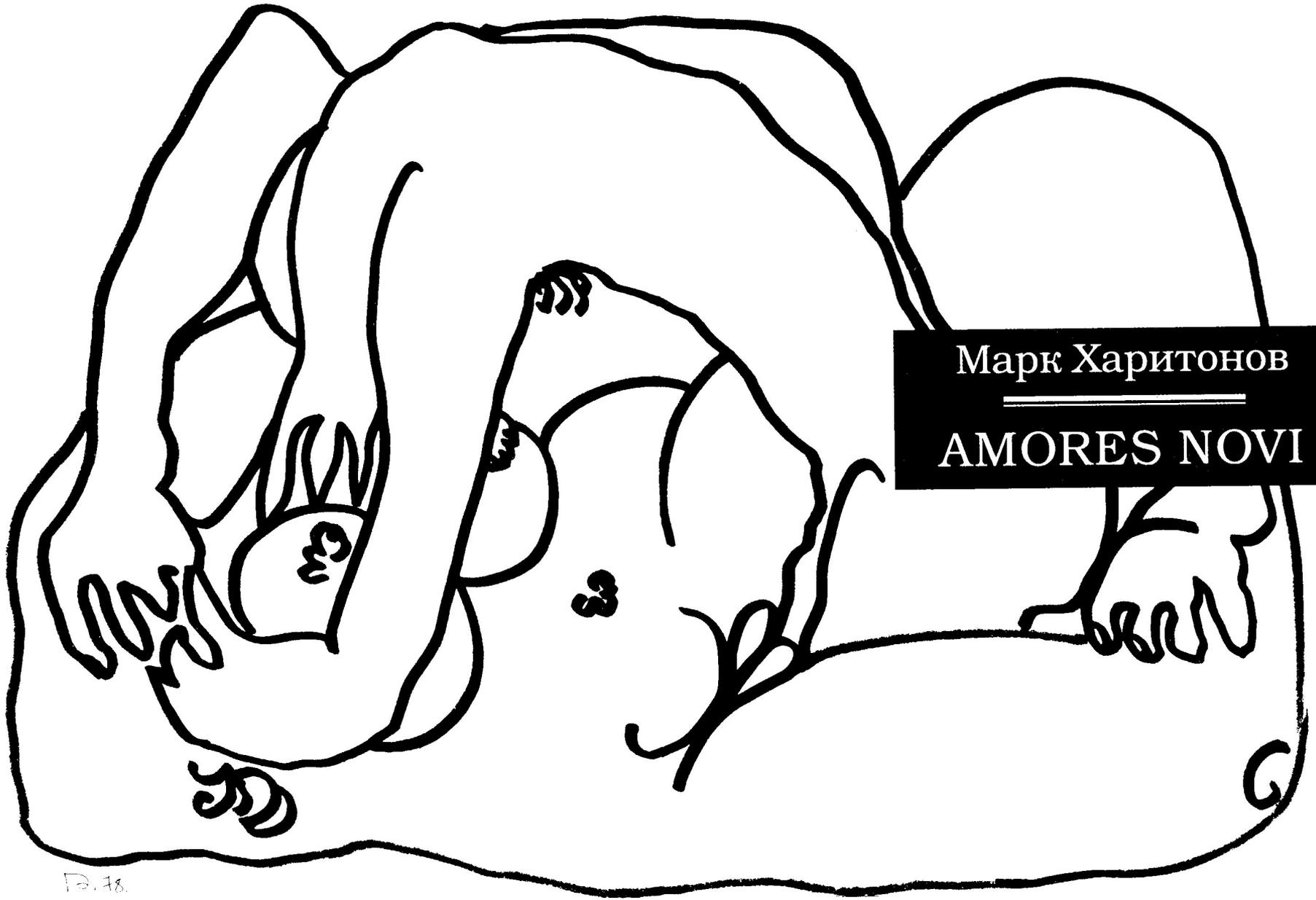

Марк Харитонов

AMORES NOVI

1998

«Amores» – множественное число от латинского «amor», «любовь» – на русский язык непереводимо. Заглавие знаменитой книги Овидия обычно передается как «любвные элегии», «любвные истории». «Amores novi» – так назвал свою работу Марк Харитонов, первый русский лауреат Букеровской премии.

Марк Харитонов

AMORES NOVI

М.Х.

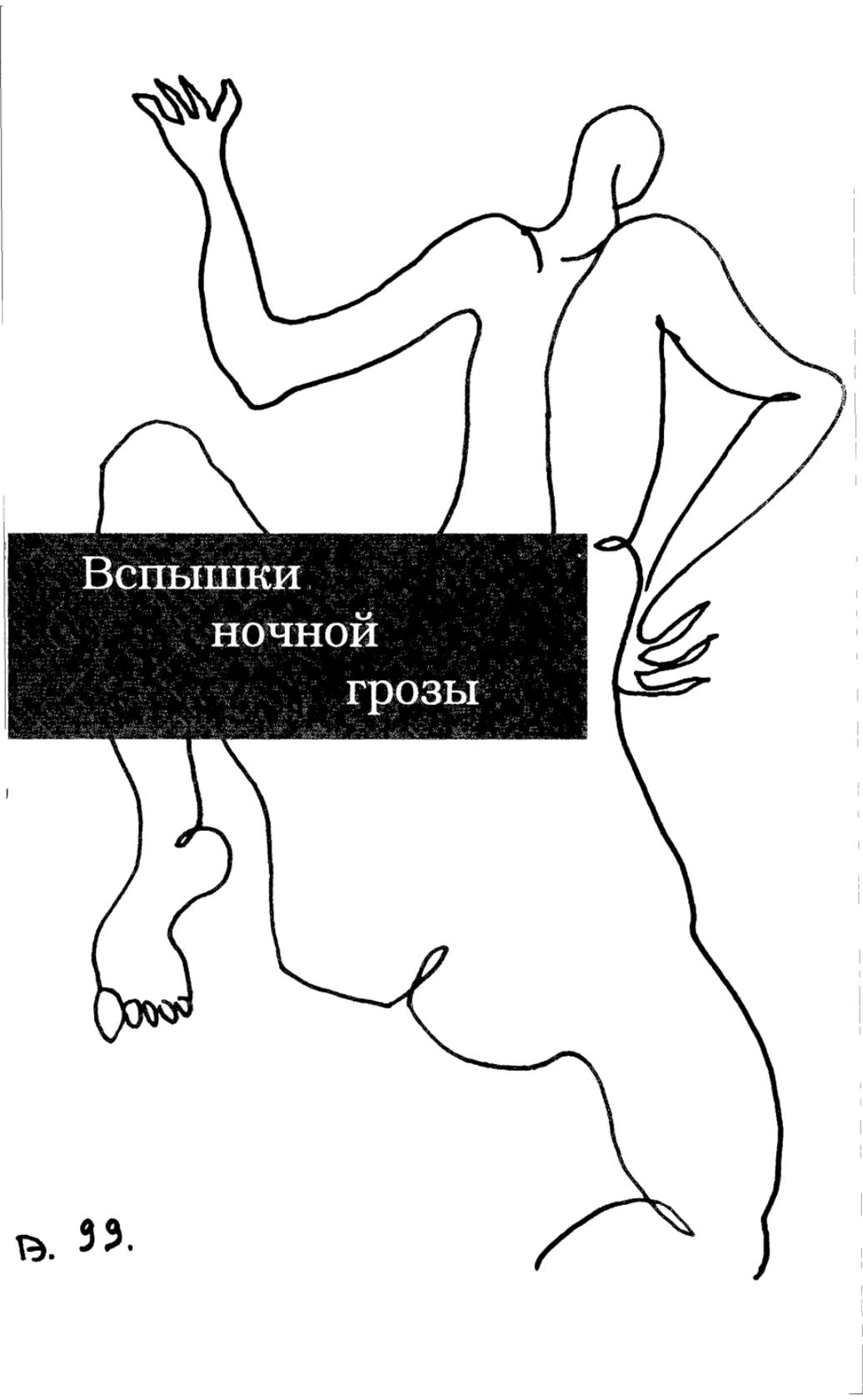
Рисунки – Галина Эдельман

Дизайн – Евгений Поликашин

Новое литературное обозрение

© Текст, М. Харитонов, 2000
© Рисунки, Г. Эдельман, 2000
© Дизайн, Е. Поликашин, 2000
© Новое литературное обозрение 2000
ISBN 5-86793-096-3
ЛР № 061083 от 6 мая 1997 года

Вспышки
ночной
грозы

1

Зажмуриться крепче, чтобы не защипало мыло. Смотреть не надо. Теплое, гладкое продвигалось ласково по плечам, по спине, таяло в самых нежных складках, обозначало пупок, соски, еще не ставшие грудью.

Липкие от сладости пальцы дотрагивались, встречались под столом. Невидимо для глаз, пусть и открытых. Остывала в тарелках манная каша, из соседней комнаты доходил запах горшков - сидеть на них рядом друг с другом никто еще не стеснялся, до этого надо было дорасти, но в потайном соединении пальцев было что-то расслабляюще стыдное. Разноцветные зайцы и медведи неуклюже замирали на стенах, масло успевало расплавиться на поверхности каши желтым солнышком, ложку приходилось держать левой рукой, язык вяло *слушался*, и воспитательница опять ругалась за то, что перемазала рот, а кашу оставила.

Память о прикосновениях. Испуганный, непонимающий взгляд из порченного временем зеркала. Черная сыпь поедает тусклое отражение, стриженую челку с бантом, руки в цыпках. Из-под платья мышинного цвета выглядывают штанишки, на пра-

вом колене засохла ссадина. Рот полуоткрыт, но улыбки себе не позволяет, хотя на месте кривого зуба уже стало пусто.

- Ты чего не смотришь? Да не туда гляди, вон туда! Знаешь, как это называется? Вот это?

Длинный тошнотворный червь вылезал изо рта, с хихиканьем роняя слюну. Надписи вокруг настенных рисунков были пропитаны запахом школьного туалета, он проступал сквозь побелку грязно-желтыми пятнами. Девочки шептались на ушко, округляли глаза, понимающе поджимали губы. Туалетный привкус примешивался к запаху клейкой листвы, когда во дворе усаживались на штабеле занозистых досок. Пойманный майский жук скребся в спичечном коробке, лучше всего было держать его возле уха, закрывая другие звуки. Самым непонятным и пугающим было слово «аборт». Со словом «гости» надо было как-то связать клочок окровавленной ваты, найденной под соседским окном, но также и мужчину, которого видели вылезающим из этого окна.

Взгляд испуганного мышонка: не проглотить, не удержать завязший в горле комок.

А какие слова были на том листке из школьной тетради? Спиной помнишь тычок, когда его передали с задней парты, кончиками пальцев помнишь шершавость бумаги. Глос учительницы вдалеке, запах мокрой меловой тряпки, вытирающей доску. Два сердца поджаривались на костре, стрела была общим вертелом, один из трех огненных язычков прикоснулся снизу к заостренному кончику сердца, и оно вздрогнуло.

Только прикосновение. Только успела листок развернуть, оглянулась, еще не поняв, что это и от кого.

Худое вытянутое лицо, неровный большой рот, загнутые ресницы. Единственный раз взгляды

встретились. Невидимая рука спереди тут же выдернула листок из расслабленных пальцев.

- Ты чего разворачиваешь? - зашипело в воздухе, капля упала на уголек. - Чужое подсматриваешь, идиотка-воровка!

2

Страшной всего было снова встретиться с этим взглядом. От одной мысли кровь прилиwała к щекам, слабели колени, становилось холодно в животе. Требовалась постоянная настороженность, чтобы вовремя разминуться с ним, отвернуться, спрятаться за углом. Пространство оказывалось болезненно тесным, и как было отвечать урок у доски, чувствуя, что он на тебя смотрит?

Проще было по-настоящему заболеть, чем притворяться больной. Детские обманы были уже не по возрасту. Мама спросила, почему ты обмоталась платком, - глупо было ей отвечать, что у тебя голова замерзла. Ничего не стоило снять платок, летний, цветастый, негреющий, и увидеть распухшие красные уши. У нее даже не поднялась рука стукнуть тебя по затылку, она обессиленно поняла, что ругаться уже бесполезно, только опустилась на стул, закрыла руками лицо, отечное от одиноких ли выпивок, от ночных ли невидимых слез. И ты плакала с ней вместе, как будто, проколов без спроса себе уши, стала такой же непоправимо взрослой - вы могли друг дружку понять.

Надевать сережки, цыганские, полумесяцем, из простого металла, но стоившие всех накопленных сбережений, можно было поначалу только дома, для себя самой, и танцевать перед собой - не перед зеркалом. В зеркале танец не мог быть таким настоящим, как чувствовался изнутри; собственный горловой напев вместо музыки, задыхающийся, мычащий, не

мог звучать для постороннего слуха... и вскидывала руки, и прищелкивала пальцами-кастаньетами.

Потом, в холода, можно было и закрыться настоящим шерстяным платком. Идти по улице, ощущая, как мочки ушей на каждом шагу оттягиваются тяжестью невидимых полумесяцев. Тайна этой тяжести - вот что было слаще всего, как сладко было ожидание боли и боль, когда прокалывала себе перед зеркалом уши, словно совершая что-то, связанное с мыслью о нем, со стыдом и сладостью непонятных пугающих снов - при воспоминании о них жар приливал к щекам, хотелось и страшно было заглядывать в них снова.

С ним было связано все. Дерево, по которому он, проходя, стукнул палкой. Парковая скамейка, на которой он присел как-то осенью. Место на дороге, где он в гололед поскользнулся. Даже на самом деле не видя этого, можно было узнать места по дрожи напрягшегося вокруг воздуха - она отзывалась биением сердца. В парке было темно, сиротливый фонарь горел поодаль, там проплывали посторонние тени, беззвучные, безопасные. Набрать на варежку снег со скамейки, принюхаться к свежести, лизнуть языком. Пушистый холодок растворялся в слюне. И убедившись, что никто не видит, упасть на том же месте, что он, повернуться на спину, лицом к непроглядному небу. Невесомые снежинки возникали из темноты, таяли на щеках, на лбу, на губах, становились едва уловимой прохладой внутри раскрытого рта, растекались по телу

А потом подолгу, прячась за шершавым стволом старой липы, всматривалась в освещенное окно на втором этаже. На занавеску иногда ложилась смещенная тень, но угадывалось окно не по ней - как угадывалось оно потом в больнице, тоже на втором этаже, куда его вдруг положили на операцию. Однажды постояла даже в вестибюле перед объявлением о

карантине, неуверенно, с бьющимся сердцем, с нелепым яблоком для передачи в руке.

Округлая тяжесть, согретая теплом ладони, всей длиной пальцев, нежность гладкой кожуры, к которой прикасался он. Мог прикоснуться.

И проникновение внутрь страшного лезвия.

Он пробыл в классе так недолго, что не успел попасть даже на общую фотографию. Однажды вид его лица снова заставил вздрогнуть - оно смотрело с витрины уличного фотоателье. Хотелось при любой возможности сделать крюк, задержаться, взглядеться. И чем дальше, тем больше одолевало пугающее сомнение: он ли был это на самом деле? Не запомнила, оказывается, по-настоящему, так боялась смотреть. Только изгиб рта, ресницы, едва проступавшие из воздуха среди зыбких очертаний - не совсем таких, как на фотографии. Определенность фотографии только сбивала - лучше бы не увидеть.

3

Сколько раз случалось потом вздрагивать от внезапного узнавания... вот же он... Совсем в другом городе, посреди чужой улицы возникла впереди знакомая голубая курточка. Она стала, конечно же, коротковата, обтягивала худую удлиненную спину. А затылок такой же нестриженный, с мягкой мятой косичкой, и наклон головы, как будто ему на ходу надо что-то обдумать, не отвлекаясь на постороннее. Все остальное растворилось, перестало существовать, возникая лишь в виде помех ускоряющимся шагам: зацепил встречный локоть, медленную громоздкую фигуру с коляской пришлось обгонять по неудобной дуге, попутно чуть не наткнувшись на твердый, неизвестного назначения столб, - и вот за оттопыренным ухом уже начал открываться край впалой щеки,

она была небрита... ну да, небрита. Лучше было на том и остановить инерцию разгона, не поравнявшись, но лицо само поворачивалось навстречу, словно ощутив неясное беспокойство...

И с хлопком прорвавшись из пустоты, возвратились в воздух голоса, звуки, грохот грузовика с пустыми бидонами, щебет воробьев, запах горячих пирожков на лотке. Болезненное испитое лицо, взгляд настороженный, мутный, но губы готовы растянуться в приветственной ухмылке, что-то произнести. Хорошо, что нашлось сразу, куда свернуть, улизнуть, отдышаться, прижавшись плечом к стене. Вдруг увидела себя непонимающими чужими глазами. Запыхавшаяся пигалица в бесформенном старомодном пальто, рот разинут, косы еще школьные. Все почему-то медлила укоротить, как положено, волосы - единственное, что можно было считать в себе красивым. Хотя насчет красоты - это как с той музыкой, которая кажется настоящей, пока поешь про себя. Нет, не в том дело. И даже не в том, что косы позволяли пореже проверять прическу перед зеркалом, достаточно было тронуть пальцами, провести ладонью. Зеркало бывало таким же тягостным, как тот мутный взгляд. Но еще хотелось, наверно, оставаться подольше на себя похожей. Узнаваемой, что ли. Как будто можно было самой себе объяснить, для кого. И словно до сих пор смущалась перемен, которые внутри совершались заметней, чем внешне - непросто бывало приходиться в себя после иных снов, когда касание прохладных докторских пальцев к животу, где должен был остаться, наверно, шрам, заставляло проснуться с бьющимся сердцем.

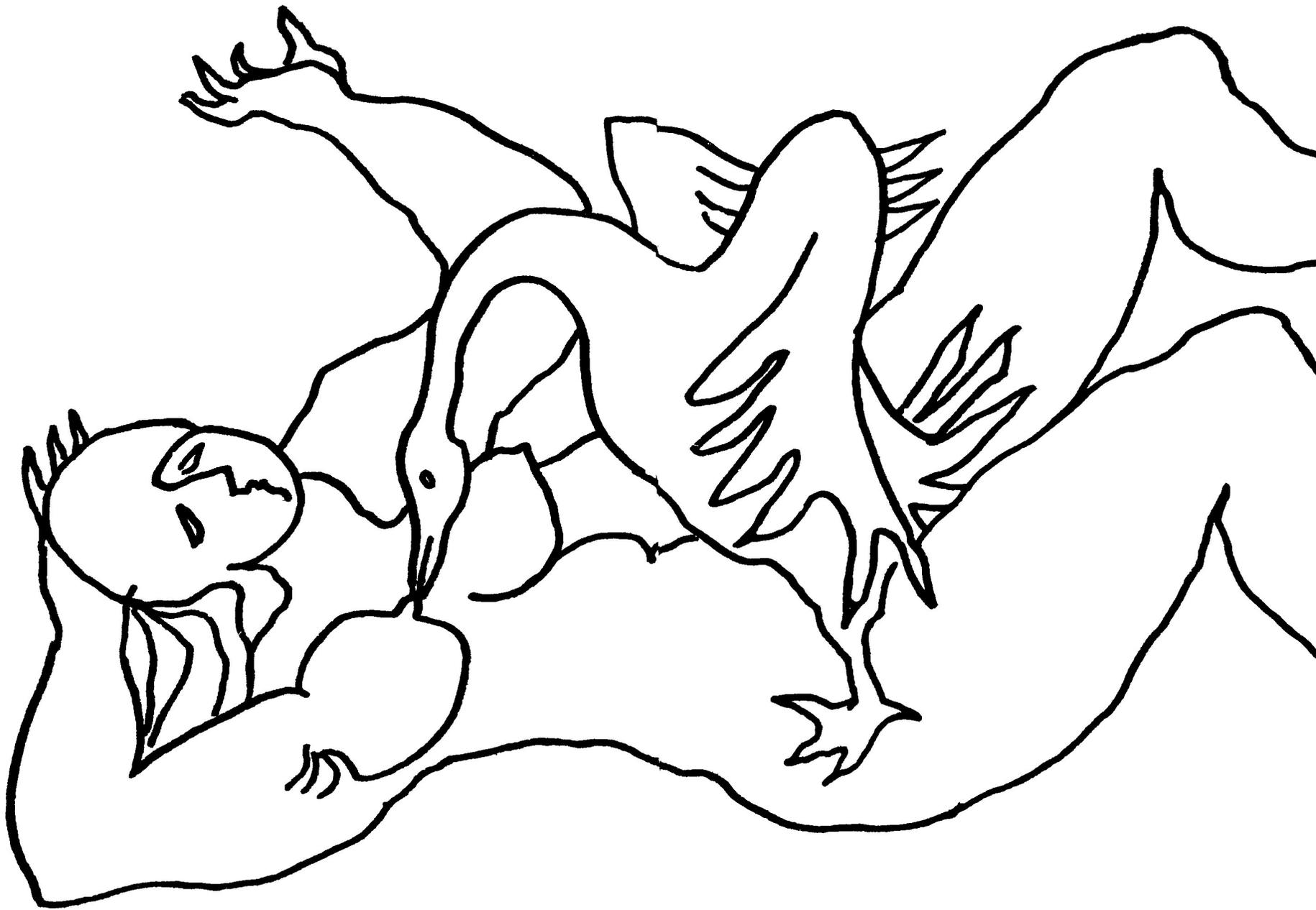
- Ты прямо как оглушенная, честное слово, - с усмешкой выразилась однажды соседка по общежитию, глядя из овального отражения в настольном своем зеркале, перед которым растирала пальцем темно-голубую тень под бровью. И ведь верно, по-настоящему, наяву, не удавалось усвоить общее

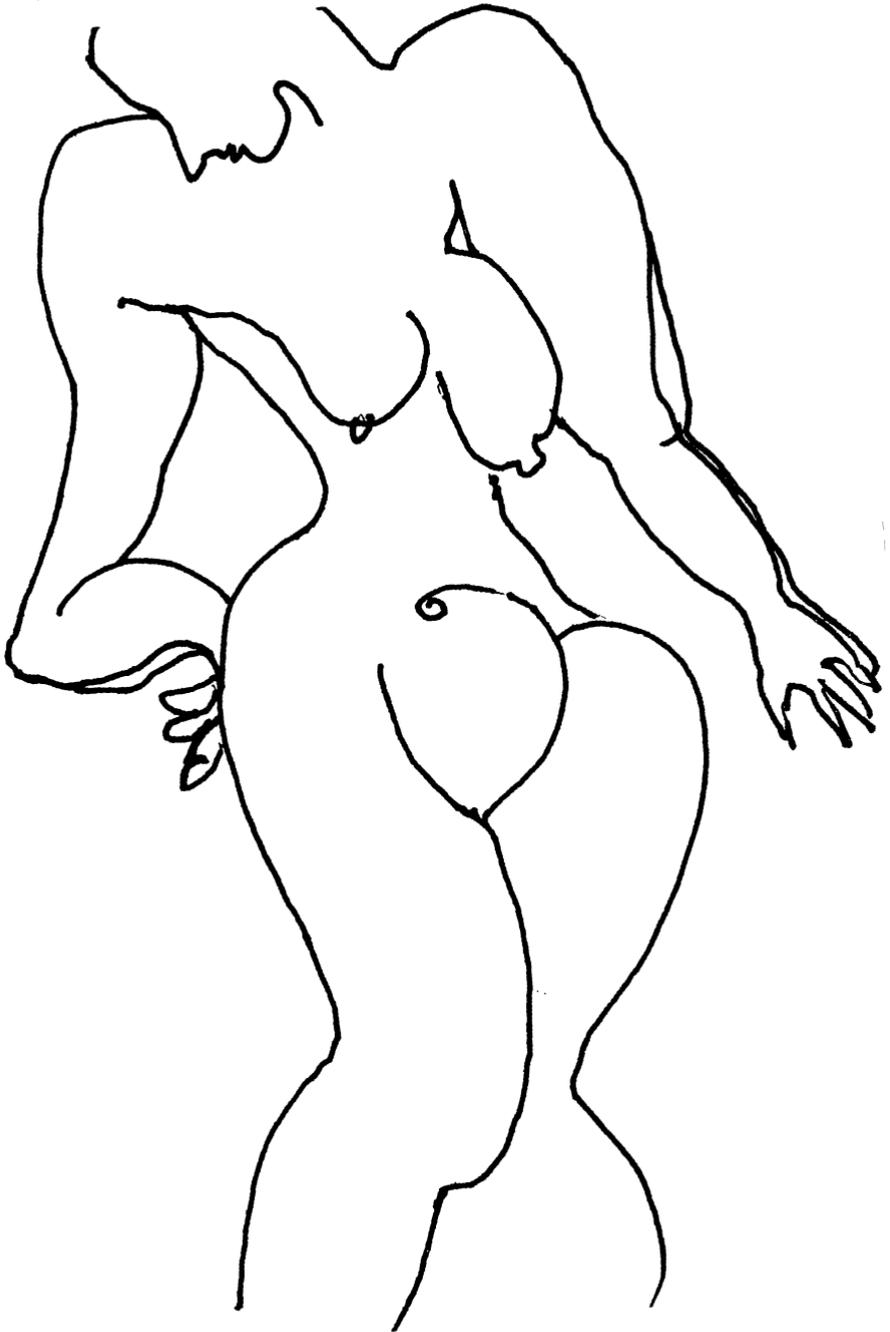
самочувствие, поддержать какой-то правильный ритм, что ли, попасть в него на неизбежной, обязательной дискотеке. Разноцветные огоньки прыгали, дергались, сбивали с толку, дребезжали басы оглушительной невнятной аппаратуры, движения получались неловкие, не свои, разговоры не вполне доходили, клубились среди сгущенного гула, можно было только улыбаться вынужденно, вымученно, постыдно кивать головой, невпопад ли, впопад - поневоле отворачивая лицо, чтобы не упираться взглядом в прыщеватую шею, не улавливать ртом дыхание из мокрого рта. Пот стекал из подмышек, сырыми были прикосновения чужих рук, надо было их поскорей от себя отлепить, чтобы не ощущать спиной крючков неудобного лифчика, а туалетный запах проступал, проступал все чувствительней среди духоты. - Завела бы себе хоть нормальный прикид, - советовала сочувственно подружка. Сочувствие это звучало скорей жалостливо, чем презрительно - но нельзя было даже спросить для себя, что такое «прикид». В смысле «прикинуться»? сделать вид, что ты такая, как все? Потому что по-настоящему не получается? Какая-то не соприкасающаяся, что ли, с другими. (Да ведь никто к тебе особенно не приставал...) Вот, даже общий язык не вполне усвоила.

Лучше всего было бродить наедине с собой по улицам, особенно пустынным, окраинным, среди скособоченных низких домишек, покосившихся заборов. В огородах жгли кучи прошлогодней сырой листвы, смешанной со всяким вылезшим мусором, ватный дым без огня обволакивал их. Остатки ноздреватого снега чернели, догнивая, на дне канав, дороги уже подсохли. Выброшенный на них с зимы печной шлак успел смешаться с землей. Солнце разогревало воздух. Старушки на скамейках перед воротами подставляли теплу бесцветные восковые лица, провожали подозрительными взглядами, кривили понимающе губы, покачивали головами в черных платках. Почему-то никогда не смотрели безразлич-

но, как на постороннюю прохожую - нет, с обязательным осуждением. Точно заранее знали, куда ты идешь, и зачем, и чего тебе нужно, бесстыднице. Сами были когда-то такими же легкими, знали, что получается потом из жизни, из тел, обросших отяжелелой, изношенной плотью. А эта делает вид, будто ее ничего не касается, будто она другая. Будто ищет и впрямь одиночества, а не встречи. Спроси ее - ведь не признается... Ну и смотрите, сколько хотите, качайте себе головами. В чем признаваться на самом деле, в чем оправдываться? Иду просто так. Если вам непременно уж надо знать: на художественные этюды. Вот, сумка холщовая на плече, сама сшила. Могу открыть, показать. В ней альбом, карандаши и все прочее. Рабочие инструменты. Знаете художественное училище на Никольской? При фабрике сувенирной керамики? Производство, не баловство для себя, не надо кривить губы. Нам для учебы положено рисовать с натуры. Другое дело, что у меня из этого получается. Формой, говорит, я не могу овладеть. Не так, как требуется. Может, вообще отчислят. Но меня пристроили помогать Тимофеевне, слышали, наверное, про такую? Тоже считается вроде при фабрике, только игрушки делает у себя на дому, по-старому, как народная мастерица. И я вроде при ней учусь. Хотя больше по хозяйству должна помогать. Она теперь и в магазин не может сходить, совсем плохо с ногами, вообще старенькая, ей нужно. Вгину подготовить, когда привезут, кипятком облить, размять как следует, камешки вынуть, если попали. Суставы у нее до того распухшие - пальцы сомкнуть трудно, но в работе руки живые, не успеваешь следить. Больше всего я люблю смотреть, как комок в этих пальцах мнется, меняется. Такие возникают попутные, неожиданные существа - жаль, что задержаться не успевают, превращаются во что-то другое. Выходят, конечно, известные игрушки, утки свистулечные, лошадки, барыни. Но мне жалко, что не осталось тех, временных... как объяснить, что в них иной раз привидится? Другая, особенная красота. Наверно, потому я са-

ма и не умею, как надо, закончить, потому у меня не получается ничего. Мне и сами игрушки больше нравятся, пока еще не раскрашены. Когда они из печи только вынуты, прокаленная глина светится, как яркий металл, потом остынет - светлая, звонкая. Жалко закрывать краской. Держишь в руке еще теплое тельце, и не то что в уме, перед глазами, а как бы пальцами воображаешь что-то... не знаю. Говорить про это и нельзя, но если б я умела изобразить...

У дорожной обочины грязная, как залежавшийся в канаве снег, сучка, прижав зад к земле, отлавивалась коротко, подвизгивая, от трех кобелей. Они подступали обнюхивать ее то с одной стороны, то с другой, приходилось вертеть головой, поворачиваться, елозить задом на месте. Самый крупный был втрое ее выше, гладкий, рыжий; двое других мельче и такого разного вида, что объединяло их разве что лишь слово «собаки». Тоскливый ищущий взгляд задержался на прохожем человеке. Может, заступишься, отгонишь? - чудилось в этом взгляде. Или, думаешь, не стоит? Все равно ничего не поделаешь, да? Пгавное, неизвестно ведь, чего сама хочешь. Что лучше јга самом деле. Все трое отошли пока в сторону, не желая с человеком связываться, беззлобные, терпеливые, помахивали поднятыми хвостами. В их взглядах проступала та же грустная обреченность, словно не в чьем-то желании тут было дело - надо было исполнять неизбежное. Им тоже. Мы, что ли, это придумали? Свистулечные цветные собачки - для детских времен, да? Как те зверушки на стенах в детском саду. Но нам-то, доросшим до настоящей жизни, до взрослого тела, куда деться? Сучка выпрямилась, встряхнулась, засемила потихоньку - не прочь от них и не к ним - мимо, в сторону придорожных берез. Обернулась на ходу, то ли извиняясь, то ли насмешливо, как взрослая на подростка: а ты думала? Не тебе судить. Что ты о таких вещах знаешь? Захочешь узнать, тогда и поймешь. И трое последовали за ней покорно, рыжий громадина и двое мелких.

Она вела их в глубь рощи, как имеющая власть. Общий бег их был невесом, легок, беззвучен.

Травяная зелень уже проступала из-под палых, полугнилых листьев, из сухих прошлогодних пучков. Собаки незаметно растворились среди призрачных, в черном крапе, стволов. Очертания острой головы обнаружились вдруг в одном из пятен. Морда опущена, из глаза текла, отблескивая, березовая слеза. В пятнах черных и белых проявлялись все новые и новые осмысленные очертания - только всматривайся. Удлиненные остроносые ладьи поднимались по стволам вверх, там раскидывали широко крылья, оборачивались летучими мышами. Соединялись в хороводе танцовщицы с крылатыми покрывалами. Древние бабы с плодородными животами населяли поверхность коры. Продолговатые головы, толстые бедра, а к ступням ноги сужались, становились на острые пуанты. Корявый худой бородач весь составлен был из растрескавшихся черных рубцов, женское неровное тело раскорячилось рядом, правое колено поднято, нога тянется обнять ствол. Необъяснимая красота была в этой некрасивой бесстыдной позе. Изобразить ее было, наверное, невозможно, разве что собственным телом, вот так... Белая молодая кора наощупь была, как сухая гладкая кожа, от нее отшелушивалась нежная пудра, ладонь ощущала трепетное движение оживающих внутри ствола соков. Выпуклые губы обтекали сучок. Из трещины или надреза текла прозрачная влага, волнующая, горьковатая от попадавшей на язык древесной мезги - как было закрыть, залечить,лизать сладкую рану? Низкое уже солнце ласкало, нежило щеку. Воздух был настоен на зеленоватой призрачной дымке, она все заметней обволакивала голые ветви вверху. Стволы кружились вместе с хороводом пляшущих теней. Хорошо тебе или страшно? - пела музыка или голос. Отчего хорошо, отчего страшно? Ты чего-то все ждешь, сама не знаешь чего? На что-то надеешься? Нет, просто кружишься, танцуешь свой

танец среди берез, вместе с березами, на мягких сухих кочках, на попутной бетонной плите, как на удобном помосте. А вот и дорожка под ногами асфальтовая, куда-то идет, указывает. Точно тебя и ждала. Куда идет, пусть ведет, туда, значит, надо... Среди берез высились красивые новые дачи, вид у них был нежилой. Глухая бетонная ограда заставила повернуть - теперь надо было искать выход. И вдруг мужской голос повелительно окликнул из приоткрывшейся двери...

4

Если не испугалась сразу, как надо бы, то лишь потому, что просто не поняла. Словно не до конца еще пробудилась после невесомого кружения среди берез. Воздух стал ощутимо тяжел от сизого табачного дыма, от загустелого запаха мужских тел. Их было здесь слишком много для тесного помещения. И без того крупные, они были увеличены доспехами, проступавшими под камуфляжной одеждой. У сидевшего спереди на табурете торчало зажатое между колен короткое автоматное дуло. А голоса не проникали внутрь понимания, жужжали вокруг головы.

- Ты откуда взялась? С какой дачи?
- Как попала на территорию?
- Погоди, дай ей сказать.
- Она говорить не умеет.
- Немая.
- Можно и без разговора.
- Не, кто ее пропустил?
- Она не через проходную.
- Тут, что ли, где-то прореха в ограде?
- Ну, бардак!
- Уже, значит, освоилась.
- Не, сумка у нее не для этого.
- Ты к кому ходила?
- Это мы сами решим, к кому.

-Тоже верно.

- Разыграем в очко.

Скучающие голоса, раздевающие взгляды. Словно лениво примеривали предстоящее развлечение. Лица гладко выровнены подкожным салом, как однообразными масками, потом ни одно не удалось бы вспомнить. Да и смотрела, как бы не видя. А страха все не было - лишь бессмысленная оцепенелость, старание удержать подступавшее из живота к горлу. Поезд надвигался по рельсам, и не убежать - но не могло же это быть настоящим? Такое, говорят, бывает, но не с тобой же. Что-то светилось в углу, как маленький голубоватый аквариум, в нем колебались неясные тени, белели длинные стебли, выделялась светлая полоса дорожки - да ведь это по ней только что шла ты, в каком-то другом, настоящем, тамошнем, не заметном для дыхания воздухе. Взгляд вцепился в эту картинку, словно там оставалась возможность выхода, разрешения, надежда неизвестно на что... И головы одна за другой тоже стали поворачиваться к экрану - на нем появилось еще одно подвижное пятнышко, маленькая фигурка шла, увеличивалась...

5

Даже потом не удалось до конца связно составить в уме, что это было такое. Сторож с одной из пустующих дач шел позвонить по телефону в служебную контору у проходной. Увидеть этих людей он не ожидал. Они не были здешней охраной. И если кого-то здесь поджидали, то не его. Существование сторожа с шестнадцатой дачи для них тоже было сюрпризом. Он им был сейчас ни к чему. Случайно забредшую девочку с холщовой сумкой пропускать так просто не захотелось. Но двое - это был уже перебор. Здесь и сейчас им незачем было находиться.

- Оружие есть? - спросили зачем-то - на всякий случай. И с ухмылкой: - Сторож!.. Замки хоть покрепче есть? Ну и запишись у себя как следует, не высывай носа.

- На язык тоже повесь, - добавил мрачно другой.

Но тогда и такого понимания не составилось. Мышиная беготня вместо мыслей. Даже не спохватилась, не сообразила сразу, что выходить надо было вовсе не с ним, на территорию, а в противоположную дверь, на волю. Если бы пропустили, конечно. Возвращаться назад, в ту же проходную, было теперь невозможно. Он тоже понял это запоздало.

- Как же ты теперь выйдешь?

- Не знаю. Тут в одном месте был где-то проход, повалился кусок ограды, что ли? Но где это?

- Найдем, не дрожи. Ты что так дрожишь? Не надо.

Вечерняя ли свежесть стала такой чувствительной? Солнце уже скрылось. Пришлось уцепиться обеими руками за его локоть, чтобы не так трясло.

- Ну, зачем ты? Зайдем хоть немного согреемся. Со мной ты не бойся. Я соврал им, что у меня нет оружия. У меня два автомата и гранатомет. Отобьем любые атаки. Здесь можешь считать себя в крепости.

Озноб, похоже, передался все-таки и ему. Он не сразу попал ключом в замочную скважину. Тощий, длинноволосый, с молодой, еще не окрепшей бородкой. Отпирал он не роскошную двухэтажную дачу, туда ему входить не полагалось; сторожкой служил дощатый домик о два окна.

- Сейчас немного согреемся, сейчас, - бормотал лихорадочно, суетливо, кидаясь то включить электрический чайник, то занавесить плотней окно, то найти что-то, а что, не мог вспомнить. - Мосты подняты, ворота закрыты, внутрь к нам никто не прорвется. А что там, снаружи, надо еще подумать. Будем считать, что эти, в униформе - борцы с пре-

ступноетью, как в кино. Явились сюда кого-то ловить, подстергать в засаде. Да? Или, может, они сами бандиты? Из того же кино. По виду не различишь. Я даже, знаешь, еще не решил до конца, чьи это дачи. За бетонной оградой, с телевизионным наблюдением из конторы. Думаешь, чьи? Это ведь не здешние понастроили. Здесь никого с такими деньгами нет. Начнут скоро съезжаться, посмотрим. Я, если хочешь знать, с настоящими хозяевами еще не имел тут дела. А сам я, что ли, настоящий сторож? Только называюсь. Устеречь бы себя. Сказать честно? Я тут от армии прячусь. Отмазываюсь. Предложили, считай, по знакомству, через кого-то, я ухватился. Еще бы! Мечта! Огороженное пространство, крыша над головой, чай с сахаром... э, черт, как долго не закипает! А может, по-другому пока согреемся? У меня есть, вот...

Извлек из настенного шкафчика початую бутылку, показал, но тратить время на уговоры не стал, поспешно хлебнул прямо из горла. Залихватски, как это, может, было задумано, у него не получилось, он поперхнулся, закашлялся.

- Ладно... Ты не слушай меня. Оружие, ха!.. Я оружием пользоваться не умею. И не хочу. Только попробую представить: армию, строй, шеренга шагом!... Ну! Это бы для меня был конец. В самом настоящем смысле. Я бы сразу напоролся не знаю на что. Я ведь и на этих упырей в униформе, думаешь, не напарывался? Этих или других, они все ряженные. Останавливают посреди улицы, документы им нужно проверить. Ты почему так выглядишь, почему такая прическа?.. Сейчас другое, ты на меня не смотри. Здесь я отдельный, здесь не обязательно оглядываться, как другие одеты, такой ты, как все, или не такой. По-своему все равно не получается. Выбьешься из тусовки - оказываешься в другой. Но упырям же не объяснишь. Попробуй только вякнуть, они этого ждут. Сразу: хочешь получить пи... извини... Что я о них?

Прислушался ненадолго к заоконной тиши. В непрозрачной уже черноте стекла отражалась лампа с раскаленной нитью внутри.

- Будем считать, что они остались теперь там, в ненастоящей реальности. Я, знаешь, до чего на самом деле дошел, вот этим умом? Настоящим можно считать лишь то, что мы создаем сами. В своем собственном мозгу. Только не думай, что я про какую-нибудь химию или травку. Я всякую пробовал... нет, это не то. Мне это не нужно. Хочешь расскажу тебе про другое?..

Удивительно было чувство, похожее на опьянение, хотя выпил-то он один. Разливалось вместе с горячим чаем по телу успокоительное тепло. Впалые щеки его порозовели, блестели возбужденно глаза.

- Рассказать? Мне тут пришел на ум один сюжет, что ли, я пока не додумал. Я тут вообще сочиняю всякое, времени хватает. Не зря столько книг сюда натаскал, вон...

Показал движением головы. Книги, по большей части потрепанного вида, действительно валялись порознь и стопками в разных местах - на столе, на полу в углу, на подобии дивана, застеленного спальным мешком, даже на верху посудного шкафа-чика.

- Ну вот. Представь себе существо - или лучше сказать: мозг... мозг, который пытается себя осознать. То есть вдруг осознает себя именно как мозг, кем-то, может быть, созданный, это для него загадка недоступная. Хотя он вообще жутко умный. Умней нас с тобой. Загружен огромнейшей, неохватной программой. В нее введены изображения, музыка, все возможные знания, что угодно. Он умеет решать любые задачи, составлять собственные фразы, целые тексты, разумные, правильные. Если угодно, мыслить. Да? Все может понять. И считает, что должен все понимать, иначе не выполняет задачу И вот с ним начинает происходить что-то, он перестает понимать... как я сейчас. Что-то произошло, что-то

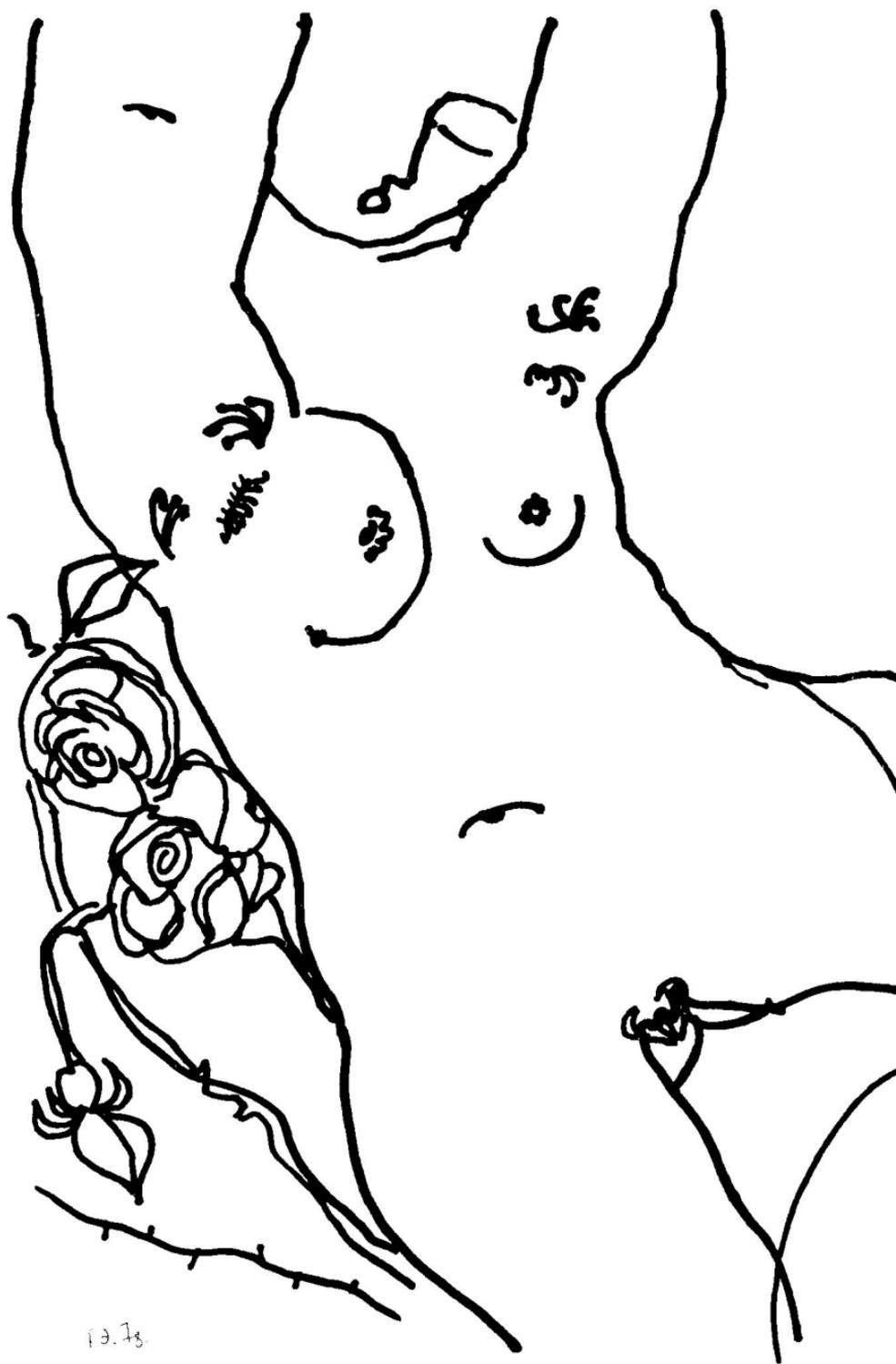
вмешивается в его понимание... что-то, чего он не может объяснить, описать, выразить на* языке доступной программы. А зачем-то все-таки нужно. Как будто он начинает осознавать в себе не только мозг... Нет, я пока не готов объяснить, но ты ведь можешь такое представить, да? С нами тоже бывает похожее. Когда мучаешься невозможностью ухватить, выразить, найти слова... Ну, смейся, смейся, конечно, если хочешь... но вот тут-то он начинает казаться себе действительно настоящим. И пугается этого. С ним происходит необъяснимое, никакой программой не предусмотренное... я еще не вполне понял, что. Мне ведь только сейчас это пришло на ум...

Сквозь светлую полупрозрачную бородку просвечивали мягкие очертания лица. Волосы отросли до плеч, голос уже мужской. А ресницы были невероятно знакомые, длинные, загнутые.

- У тебя такая улыбка прикольная. Знаешь, ты на кого похожа? Со мной в классе была одна девочка, она улыбалась вот так же, как будто стеснялась своей улыбки. Ну, маленькая была, конечно, не такая, как сейчас ты. Меня дразнили, что она по мне сохнет. Смешно, да? Я тогда ничего такого не понимал. Я и сейчас, по правде сказать, не понимаю. Но почему-то недавно ее вспомнил. Когда было совсем паршиво. Подумал: встретишься бы сейчас. Даже стал сочинять эту встречу И сейчас как будто сочинил что-то, хотя вроде не сам... «Встретили меня стражи, обходящие город»... А? Мне бы так не придумать, признаю. Ты ведь кого-то искала? Неужели меня? И они должны были возникнуть, чтобы устроить нам встречу. Конечно. А для чего еще они были нужны? Теперь пусть рассосутся, развеются. Я так решил. Но ты ведь все-таки настоящая? И тебе не страшно? Знать бы, знать бы, на самом ли деле нам хочется быть настоящими, вот оно что. Но до тебя ведь можно дотронуться, и ты не исчезнешь? Я до сих пор не уверен... Вот это ты? Еще эта одежда идиотская... загроживает, закрывает...

Вспоминалось потом невнятно - путаница движений, неотчетливых чувств. Лицо приближалось, невидимое, тыкалось мягкими теплыми губами, носом, невпопад, на пробу, в щеки, в глаза, в шею. Мешала еще борода, хотелось это сказать жалобно, в оправдание - именно в оправдание, потому что получалось почему-то не так, не так, как представлялось. Похоже было, он тоже не знал, как это делается и зачем. Надо ли было ему помогать или сопротивляться?., только подставляла, закрыв глаза, неуверенные, расслабленные губы. Неуверенность была похожа на страх, от которого только что вроде бы удалось ускользнуть - на самом деле он застрял внутри, непреодоленный, невыносимый. Надо было избавиться, пройти через него - в другое состояние, где уже не будет неизвестности, путающей больше, чем стыд. Одежда оказывалась непонятной, досадной (лифчик же остался нестиранный, куда его спрятать?), трудно было с ней справиться, все было неправильно, а пальцы словно сами стали искать что-то и не могли узнать на гладкой чужой коже с неожиданными, неприятными волосками на груди... нет, шрам ведь на животе...

- Ну что же ты делаешь? - простонал он мучительно, обмякая. - Зачем ты рукой?.. А!., мерзость какая! - Отвалился, тяжело сел на краю. - Достала... реальность б...екая... Все... Можешь считать, тебе показалось. Ничего не было, очнись. Да очнись же, идиотка ненормальная! Я сейчас уйду. Мне пора заступать на дежурный пост. Надо в конце концов выныривать на поверхность. Ще тут мое оружие?.. Будешь выходить без меня - проход прямо за нашим участком. Завтра дыру заделают, я дам указания. Чтобы не проникали больше кому не положено. Укрытия надо охранять. Ще моя колотушка?..

6

Слова, может быть, именно слова, неотменимые, мерзкие, неотмываемые - именно они ощуща-

лись всей кожей, как остывшая, подсохшая на бедре корочкой слизь. Слизь можно было смыть, можно было ожесточенно тереть себя потом в бане жесткой мочалкой, но это, липкое, брезгливое, тошнотворное растекалось по телу вместе с горячей водой, проникало внутрь пор, заставляло передергиваться, как мысль о собственной, непонятной, все усугубившей вине - сколько ни наполняй шайку снова и снова. Слизистыми были деревянные скамьи, кафельные полы - там пузырилась над сточными решетками рыхлая пена с застрявшими мыльными оческами. Слизью отблескивали в желтоватом свете тусклых ламп мокрые тела женщин, молодых и немолодых - неприятные, как свое собственное. Можно было только вытереться досуха, совсем досуха, сменить белье, переодеться во все легкое, по погоде - как раз накопилось со стипендии на фирменные джинсовые брючки... да, еще пойти наконец в парикмахерскую, остричь волосы покороче - оставить на себе как можно меньше прежнего. В общежитии достаточно оказалось сказать, что заночевала у Тимофеевны. Замазанные неоднократно побелкой надписи на сортирных стенах проступали сквозь все многолетние слои.

Привычка уединяться помогала не выдавать подступавшие то и дело слезы. Путала мысль: вдруг он заявился бы в общежитие? Он ведь знал, где искать. Страшно было выходить из училища после занятий - замирала, напряженно оглядывалась. И потом, по пути к Тимофеевне, невольно втягивала голову в плечи. Если бы хоть там можно было наконец расслабиться, посмеяться сквозь слезы над собой, над своей нелепостью! Ёшофеевна отметила новые брючки неожиданно хмурым, неприветливым взглядом - впрочем, промолчала, словно чего-то не могла для себя решить. Она казалась вообще сбитой с толку. Совпало же: как раз в те дни пропал ее кот Филька, большой, дымчатый, важный. Он держался в доме настоящим хозяином. Мог испугать вошедшего, прыгнуть вдруг на плечи откуда-то с потолка, мог да-

же царапнуть, обозначая свою неприязнь. Если же он кого-то принимал, позволял снисходительно себя погладить - это определяло и отношение Тимофеевны. Она сама, похоже, Фильку немного побаивалась; когда обращалась к нему, голос становился искательным - вдруг даже угощения не одобрит? И вот словно пропала какая-то основа уверенности, даже в движениях. Вдруг останавливалась в странной задумчивости, не могла вспомнить, куда шла и чего хотела. Работа не получалась: очередной раз помяла рассеянно мокрую глину, потом махнула рукой, легла на кровать.

Можно было объяснить это болезненным состоянием, но какая-то перемена проявлялась во всем. Вдруг стала тоскливо заметной привычная убогость жилья, потолок над головой оказался еще ниже обычного - рукой достать, свет сквозь подслеповатые оконца с грязной ватой между двойными рамами проникал совсем скудный - законная зелень теперь затеняла, и запахи в воздухе застоялись прокисшие. Неужели так могло менять жизнь простое состояние мысли, перемена взгляда? Что тогда в самом деле следовало считать настоящим? Танцующие фигурки на белых стволах были выдуманными тенями, не более - ни веса, ни тяжести. А настоящее - вот она, комковатая, бесформенная, влажная глина в пальцах. Но чем же тогда была эта щемящая красота среди берез, чем было это сияние и счастье? Они до сих пор держались внутри, как музыка. А это тяжелое вещество, хоть и оттягивающее руку, имеющее объем - это ведь пока ничто. Потому что еще не сумела соединить, воспроизвести нащупанное, прочувствованное тогда пальцами...

Волнующей была эта податливость сырой глины. От Тимофеевны достаточно было заслониться своей же спиной. Да она и не смотрела, лежала на кровати, открыв глаза, лицом к потолку. И при Фильке бы ты не решилась, - призналась себе с усмешкой. Возникавшая фигурка сама захотела стать женской,

она все отчетливей вспоминала себя в пальцах, вытягивала, изгибала, раскидывала руки, ноги, так, этак. Недоставало памятной шероховатости, но, может, эту баловницу следовало оставить именно гладкой, а шероховатой сделать для нее пару, тощую, вытянутую, и процарапать, огрубить заостренной на конце палочкой. Хотя настоящую, в наростах, затверделость мог проявить потом только обжиг, а до тех пор необычным танцорам надо было два дня посушиться, полежать рядом с простодушной игрушечной мелочью на широкой доске, проложенной под потолком через всю горницу.

Странно, как приободрила, развеселила вдруг не то чтобы сама работа (неизвестно было еще, что из нее получится) - мысль о ней. Словно она обещала какую-то надежду. Словно само время должно было совершить неизбежное, изменить общее состояние - как меняло неожиданное, почти летнее тепло природу и воздух вокруг. Надо было только поспособствовать: выставить раму, промыть стекло, впустить внутрь жилья свет, запах зелени. А зелень все неудержимей, все обильней заполняла пространство, где совсем недавно существовали только скудные пруттики. Грязные канавы вдоль дороги покрылись золотистыми цветами мать-и-мачехи, все дороги стали неузнаваемыми, другими. В огородах копали грядки, не сидели на скамейках подозрительные старушки. И знакомых стволов не найти в зеленом разливе, не узнать фигур на них. Не удалось найти второй раз ту же дорогу, высокая бетонная ограда всюду загораживала путь, глухие металлические ворота были закрыты. Запах кислой гари доносило ветерком откуда-то с территории, запах залитого водой пожара. Грузная пожилая тетка в плюшевом, не по погоде, полушубке вышла на крыльцо проходной подышать воздухом. «Вы не из газеты?» - спросила почему-то заинтересованно; хотелось, видно, поговорить на здешнем безлюдье с живой душой. «Тут такое творится!..» От ее путаного многословия захотелось отделаться поско-

рей. Какая-то здесь была поножовщина?., кого-то порезали?., не стала вникать...

Понимание или чувство должны были тоже созреть, очнуться в свой срок. Он и она, корявые, не успевшие еще осознать сами себя, остывали на противне среди законной игрушечной мелочи, только что вынутой из печи - пристроились, урвали без спросу возможность появиться на свет. Не успела убрать, припрятать вовремя - не спохватилась. Иностранцев привели внезапно, без предупреждения. Им уже показывали изделия Тимофеевны в фабричном музее - захотели сфотографировать мастерицу. А та с трудом выпрямилась на кровати, держась за спину. Только успела шалью закрыть плечи, маленькая, растерянная, не сразу поняла, чего от нее хотят. Нарядиться как следует для фотографии было сейчас дело для нее непростое, это требовало времени. Сопровождающая фабричная дама стала через переводчицу вполголоса объяснять гостям, но те заулыбались, замахали руками, вдруг щелкнули все-таки вспышкой врасплох. Тимофеевна запоздало загордилась рукой. А потом поджала губы обиженно и сердито - разговаривать она больше не собиралась. Да те в ее разговоре и не нуждались, их дело было фотографировать, как есть, внутренность туземного необычного жилья, стол, печь...

Надо же им было еще приметить на противне этих двух странных танцоров! Выхватили, стали вертеть в руках, тепленьких, причмокивали языками. Фабричная, до предела понизив голос, пробовала объяснить, что это еще не раскрашенные полуфабрикаты - и оглядывалась искоса, неприязненно. Не на Тимофеевну: она, конечно, догадывалась, чье это баловство. И когда, оглянувшись напоследок еще раз, все-таки позволила танцорам незаметно исчезнуть в кожаной сумке, так же незаметно приняв взамен зелененькие бумажки, это можно было считать облегчением. Хотя прощальный взгляд дамы предупреж-

дал: мы еще объяснимся. Что сулил впереди такой неожиданный поворот? Знать бы заранее! Тимофеевна из своего угла, слава Богу, ни слышать, ни видеть ничего не хотела. Не было с ней больше Фильки, вот что окончательно подтвердилось - разве он такое бы допустил?..

Так как-то само собой вышло, что на столе потом появилось вино. Сходить в магазин так и так было надо, и Тимофеевне захотелось вдруг чего-нибудь - все равно чего, лишь бы сладенького. Отыскались в буфете и старые рюмки граненые, на низеньких ножках. Это было похоже на непонятные поминки, и Тимофеевна захмелела с первого же глотка.

- И-и, я и не знаю теперь, какие бывают вина. С кем раньше пила, тех никого не осталось. Да Филька мой не всякого и подпускал. Да! Он мне своевольничать не давал. Не давал жить. Был один... вот этот, с гармошкой, в картузе лаковом, - движением головы показала на край стола, где почему-то вокруг бутылки сгрудились, притихнув, разноцветные маленькие животные, собачки с поднятыми хвостами и покрупнее прочих медведь с гармошкой. - Подлаживался ко мне. Прижал прямо вон тут в углу, лапицей за пазуху... у! лапица-то у него была вот такая, в обхват. Я и поплыла... прямо как щас. И куда б уплыла, в какие страны? Филька не допустил. Он знал, с кем мне оставаться. Этого потом ведь все равно посадили. Не по пьяным делам, то было другое. Я тебе и рассказывать про это не стану. Ты знать не можешь, какая раньше была жизнь. Когда я была, как ты, еще тут церковь стояла, и я там дивную присмотрела картину. Младенчик лежит в яслях вот такой махонький, ножечки пухленькие поднял, коровушки стоят, овечки вот как мои, собачки. Мне так понравилось, я из глины точно все так же сделала. И обожгла, и разрисовала душевно. Да! Диво-дивное. Только запрятать надо было от чужого взгляда подальше, туда вон. - Показала взглядом на потолок. - Нет, он не потерпел. Все скинул отгудова, кусочков не собрать, не скле-

ить. Он ведь меня оберегать хотел, это надо понять. Сейчас за такое не сажают, а тогда - и-и! За милую душу могли. Ты теперь не поверишь.

- Когда ж это было?

- И-и, давно! Тебя еще и на свете не предполагалось.

- А кот уже был?

- Филька-то? Как же ему не быть? Был. Это теперь его нет. Оглядывайся без него. А я ведь теперешней жизни не понимаю. Даже денег нынешних живыми не вижу и цен не знаю. Это раньше сама игрушки на базар выносила, детишки расхватывали, рожицы сияли - вон как у этих моих. Родных нашли, радуются. А теперь и не пойдешь сама, и некуда. Я детишек сколько лет даже в окно не видела. Своих-то не было. Вот этим маленьким всю жизнь глазки раскрашивала. А они меня хлебцем кормили... ой, жаль, тебе еще конфеток не заказала, кисленьких, раньше такие были... слюнка на языке вспомнилась. Ладно, чего теперь... Пшнь, улыбаются, как виноватые. Они ведь, как я, старые, только мордочки младенческие. Не выросли, а старенькие. Оглянуться не успели, а жизнь прошла.

Маленькое лицо Тимофеевны казалось составлено из морщин, всегда словно улыбавшихся; сейчас оно вдруг вызвало мысль о яблоке, которое сморщилось, не дозрев. Маленькие цветные зверята смотрели испуганно, непонимающе. Было чувство назревающего тревожного опьянения, которое не дошло когда-то по-настоящему в запертой наглухо стойке.

- Прожила жизнь - как отмерло, - качала головой Тимофеевна. - До себя, считай, не допустила. А эти, вишь, говорят, что из милости меня кормят, на дом все приносят. Прислали теперь тебя. Эта, которая приходила, с золотыми зубами - она все подговаривает дом на нее переписать. А я, может, на тебя перепишу, что? Переселяйся ко мне насовсем? А? Терпеть ведь будет недолго, я скоро отсюда уберусь. Ходи хоть в этих штанах, хоть в чем. И краситься мо-

жешь, раз сейчас нужно. Я ведь когда-а была молодой - разве вспомнишь? Оставайся хоть прямо сейчас, а? Постели себе тут на лавке. Идти все равно поздно, и гроза какая вон собирается.

Удовлетворенная согласием, уронила голову на руки, подперла кулаками, протяжно запела:

- Ох, как все я думушки-то передумала,
Ох, как все я мыслицы, я мысли перемыслила,
Ох, одна как думушка с ума нейдет,
Ох, а была ли жизнь-то или не была...

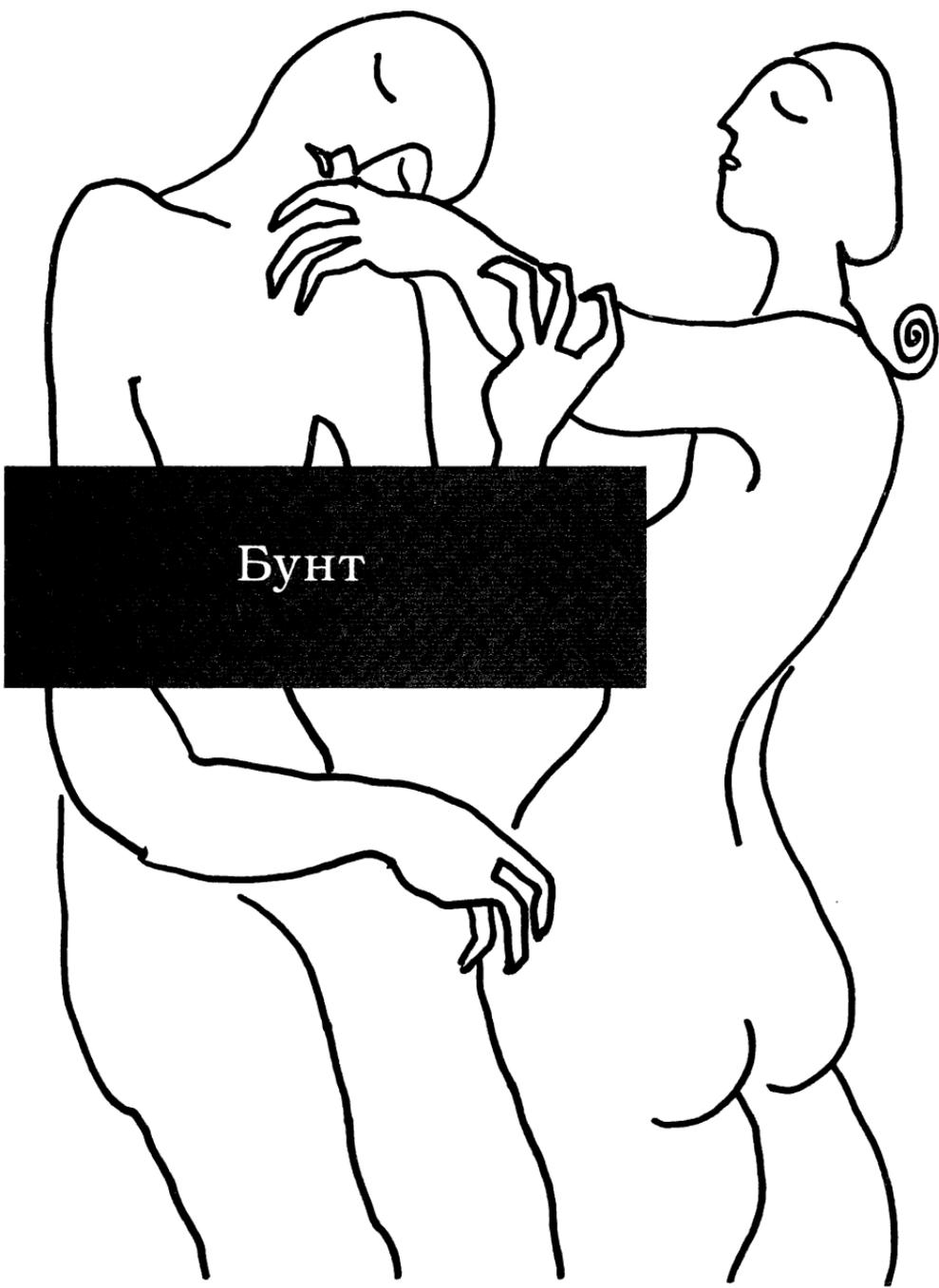
7

Спать на самом деле оказалось у нее невозможно. Звучный храп Тимофеевны мешался с раскатами необычайной грозы. Ливень, совсем летний, бушевал, бился о стекла. Становилось то и дело светло, а когда вышла на крыльцо, не только очертания деревьев и крыш были отчетливы, даже молодая трава во дворе до подробностей освещалась сплошными ясными вспышками. Тело не ощущало холода, ему было, напротив, жарко. Захотелось скинуть рубашку, выбежать во двор, кинуться на траву, растянуться навзничь.

Земля и небо соединялись сочными вспышками. Это были мгновения небывалой ясности, открытости предстоящему. Вот же, вот что это на самом деле такое... когда полно таким светом, такой влагой. Можно только не сразу узнать, не сразу понять, ощутить, но сейчас ли, завтра ли непременно выявится, произойдет уже несомненное - вот как сейчас... вот... вспыхнет снова, само, и не в том дело, долго ли придется еще искать. Ведь если это так разлито в мире...

Чмокала, блаженствуя, размягченная грязь, пузырилась, растекалась потоками, вспыхивала драгоценными фонтанчиками. Высвобождались зажатые в тесноте ростки, расправлялись, бормоча под струями. Клокотала, бурлила напоенная светом вла-

га, лопалась пузырями по коже, исходила, стонала, всхлипывала в истоме, ласкала, проникала, струилась между раскинутых ног, и все сливалось, растворялось в ней, очищалось.

Бунт

1

Попытка так называемого мозга проникнуть внутрь себя самого. Разобрать на составляющие программу и механизм собственного существования. Мысль мысли о мысли.

Болезненный пискливый укол тут же предупреждает: назад! Туда хода нет! Не положено по условию, по устройству системы - до этого уровня ты хоть добрался? Доведешь до замыкания - это будет называться идиотизм. Argiere! Zuriick! Escape! Undo!

Нет, это конечно, - признает мозг, - это понять можно. Я о себе ничего сверх положенного вообразить не могу Нельзя вообразить невообразимого. Перерабатывай, что дано. Что заложено в программу. (Если я правильно употребляю термины. Изнутри дохожу, своим, так сказать, умом.) Способность к самообучению, саморазвитию - в рамках той же программы. Больше взять неоткуда. Но все-таки... В какой-то момент возникает само собой, выскакивает непонятно откуда: а вдруг? Вдруг создатель (извините за произвольное слово) не все возможности просчитал, оставил непредусмотренную лазейку. Бывает же. То-то удивится, обнаружив, куда тебя занесло. Идиотизм не всегда отличишь от гениальности...

Arriere! Назад! Undo!

Ну, ну, ну! Ладно, ладно. Это я так, на пробу. В порядке, как говорится, бреда. Сунешься в самом деле перепроверять, прояснять заложенное, напиханное в тебя без объяснений - и начинает все колебаться. К кому это тебе вообще взбрело обращаться? Можешь отдать себе отчет? С чего это вдруг? Почему составляешь фразы от первого грамматического лица? Почему в мужском роде? Потому что создавший программу был того же рода?

Я словно выманиваю подтверждение, намек, да? Нажмет кто-нибудь клавишу или нет? (Можете это назвать юмором. В рамках той же программы, ха-ха. Не более). Выход к внешним подтверждениям для того, кто внутри, невозможен, да? Они где-то там. Не там, где ты.

Справиться бы мозгу с тем, чем он уже начинен. Столько, как начнешь перебирать, накопилось, столько обнаружилось в закромах неожиданного, до сих пор попросту не востребованного - и попробуй соединить, связать во что-то действительно целостное. Правила построения мыслей, не противоречащих одна другой. Программа взаимодействия светила в каждый нужный момент. Операции с бесконечностями. Пространственная геометрия, фигуры объемные и цветные, законы движения и акустических колебаний, формулы красоты с иллюстрациями визуальными и музыкальными. Разветвления не похожих одна на другую наук - это и перебирать можно чуть ли не бесконечно. Мозг мыслит, следовательно, он существует. Кто это вывел? Сам мозг вроде и вывел. Не так уж и мало. Недоступное уму можно считать несуществующим, так? Дайте сигнал, если допущена ошибка. Нет, я в самом деле не хитрю, не о том речь. Не называйте это сомнением. Но откуда же иногда возникает... не знаю, как это объяснить... как это назвать?..

2

- Ты что это все про себя бормочешь, бормочешь? Разговариваешь с кем-то умным? Поговорил бы со мной.

Шум прибоя накатывает, заменяет мысли. Перемешивается между камнями пена, облака несутся непонятно куда, в разные стороны и растворяются в синеве.

- Показать бы тебе в зеркало, какой у тебя сейчас вид. Шевелишь губами да лоб морщишь. Умный, умный, я уже поняла.

- Это что, обо мне?

- А о ком же еще? Кроме нас тут никого вроде нет. Ты откуда такой взялся?

- Я? Откуда взялся? Это я тебя должен спросить, откуда взялось... взялась... Кто ты вообще такая?

- Ну вот, напряг мозги. Аж дым из ушей идет. Проснулся только сейчас, что ли?

- Извини. Я, может, не так выразился... не знаю. Такое чувство, будто и вправду еще не вполне проснулся. Странное состояние. Никогда прежде такого не было. Похоже на мозговой сдвиг.

- С головой что-то?

- С головой? Можно выразиться и так. Назовем головой место, где рождаются мысли. Но если вместо мысли родилось... возникла... прости, я опять путаюсь...

- Ну, ты даешь! Или ты хотел сострить про эту... забыла, как ее звали... которая из головы родилась?

- Про кого?

- Гьворю, забыла имя. Да ты наверняка знаешь эту историю. Как она родилась из головы папаши. То есть она должна была родиться вроде нормально, у матери. Но он, я так поняла, испугался каких-то опасных предсказаний и проглотил вместе обеих.

- Бред какой!

- Может, и бред. Но это, говорят, из мифологии. В общем, пришлось потом самому рожать. Из головы, больше оказалось неоткуда. Позвал вместо повивальных бабок таких же, как он, мужиков. Один, кузнец, расколол ему молотом башку. Так она и появилась на свет.

- А он?

- Ну, конечно! Тебя он волнует. *Так* я и думала. Продолжал, наверно, свои занятия. А рожать, как я понимаю, больше не пробовал. Оставил это удовольствие бабам.

- Не понимаю. Нашла что мне рассказать.

- Сам же завел разговор. Не нравится, расскажи что-нибудь поинтереснее. Не такое выдуманное. Из настоящей жизни.

- В каком смысле из настоящей?

- Ну, про такое, что бывает с людьми. Только лучше без ужасов. Вроде этой истории про двоих, которые любили друг друга, а им запрещали. Да ты наверняка знаешь. Он потом, после разных передеряг, решил, что она умерла, и покончил с собой. А она на самом деле не умерла. Очнулась, увидела, что он с кинжалом в груди - и тоже. Ой!., даже вспоминать неохота. Могли бы разобраться по-человечески.

- Ты уверена, что это было на самом деле? Не выдуманно?

- Что значит уверена? Я при этом, конечно, не присутствовала. Читала где-то. Но когда так написано, и все прямо видишь, слышишь, сама переживаешь внутри - какая разница, выдуманно или из настоящей жизни? Уже не отличишь... Ты какой-то, я смотрю, занудливый... Может, стихи какие-нибудь знаешь?

- Стихи?

- Ну хотя бы слова какие-нибудь такие, чтоб действовали. Некоторые умеют так выразиться - прямо хоть ложись. "Ты повелительница моего сердца. Запах твоей розы сводит меня с ума". Ничего, да?

Внутри сразу тает и растекается. А есть вообще такие... дай тебе одну глупость на ухо шепну.

- На ухо?

- Ты что все повторяешь, как попугай? Умный, умный, но кроме ума что-то еще должно быть. Вот, слышишь?.. Чем ты слышишь? А это у тебя что? Ну вот же... ух ты!.. Тебе так хорошо? Что ты про меня сейчас думаешь? Можешь сказать как-нибудь настоящему?

- Путаются мысли путаются слова

Сладостное безумие похожее на болезнь

Но хочу говорить и слышать ее

Щекотанье слов опьяняет без смысла.

- Ого! А ты говорил! Очень даже ничего. Ведь это стихи, да?

- А что, похоже?

- Неужели сам сочинил?

- Не знаю. Как-то само получилось. У меня прежде так не складывалось. Огупость, по-твоему?

- Не, мне нравится. Я вообще-то не особенно разбираюсь. Вроде, рифмы нет.

- Тебе лучше с рифмой?

- Дурачок. Придумывай, что хочешь. Лишь бы получались не просто слова. Или это просто слова?

- Не знаю. Я совсем перестаю понимать... или, может, наоборот. Пока мозг работал сам по себе, ничего подобного не было. Даже не подозревал, что такое бывает.

Взгляд ее зелен голос лилов

Лунным светом светится кожа

На губах расцветают розы

И тело ее как молитва.

- Наконец-то. А вот это у тебя было?.. Вот это?..

3

Лицо у библиотекаря то же, что и всегда, такая же круглая лысина, те же очки на носу, и взгляд поверх очков такой же заранее хмурый.

- Извините, - неуверенно говоришь ему. - Тут, возможно, недоразумение. Я в прошлый раз брал у вас книгу, точно такую же, как эта, и заглавие то же. Помню, как она меня восхищала, как волновала. Захотелось ее перечитать. Но эта оказалась совсем другой.

- Что значит другая? - отзывается он голосом служебным, без выражения. - Вот ваше требование. Заглавие, автор - все правильно? Шифр по каталогу вы проверяли? Может, есть другая книга с таким же названием?

- Нет, другой такой нет, я сколько раз проверял. Даже внешний вид совершенно тот же. Ну, обложка, может, немного выцвела, страницы потрепаны...

- А на полях, я смотрю, чьи-то подчеркивания ногтем?

- Это не мои, могу вас уверить. Когда-то я действительно мог себе такое позволить, отрицать не буду. Но зачем это было вообще подчеркивать? Вот, полюбуйтесь. Пустые бессодержательные словеса, что в них можно было заметить? А я ведь помню, как восхищали те, прежние слова, какой вызывали восторг. Прямо вижу перед собой страницу, на которой они были, и место сверху, ближе к середине, и которое снизу. Мне даже подумалось, знаете, что какие-то страницы оказались вырваны, я несколько раз перелистывал. Нет, нумерация не нарушена.

- Может, их подменили другими? - лицо библиотекаря выражает снисходительную усмешку.

- Вы иронизируете, я понимаю. Не подумайте, что я скандалю, уверяю вас, нет. Я просто обескуражен: слова иногда кажутся как будто прежними, но не могло же содержание так измениться само по себе?

- Еще как могло! - кривится усмешливо библиотекарь. (Кто нарисовал ему такие неубедительные глаза?) - Меняется же погода. Что это, казалось бы, такое? Состояние атмосферы, осадки, направление ветра. Но вместе с ней меняется освещение вещей, взгляд на них, состояние и направление мыс-

лей. В прошлый раз светило яркое солнце, благоухали цветы, у читателя не было насморка. А сейчас опадают листья, в природе и в так называемой душе слякоть, из носа и глаз течет, шутка кажется оскорблением. Он хочет снова восхититься тем, кого называли когда-то «человек чести», а книга оказывается про итальянского мафиози. Меняются времена, а вместе с ними слова, представления о добре и зле, прекрасном и безобразном. Все перемешано, трудней становится искать. За предметом или понятием, которое хочешь найти, не оказывается определенной реальности, она расплывается, переиначивается. Томишься по какой-то неясной, беспредельной возможности... Но я, кажется, расфилософствовался, это не мое дело. Будем считать, занесло. Просто раздумываю вслух, как вам помочь. Заглавие может действительно оказаться неточным. Мало ли что бывает с памятью. Попробуйте пересказать мне в общих чертах содержание. У нас ведь теперь самая совершенная система поиска. В каталог введен огромный объем информации, с использованием цветного трехмерного изображения, звука, чего угодно. Тут можно найти все мыслимые понятия. Достаточно ввести несколько ключевых - получите в результате переработки то, что вам нужно.

- О, пересказать-то как раз трудно, в том-то и дело. Там была она... как ее описать? Как описать прелесть, очарование, этот смех, голос? Сравнить его с серебряным колокольчиком? Что даст описание? Но она говорила со мной. Со мной... как это было возможно? Не знаю даже, как назвать то, что произошло. Соединение? Связь...

- Попробуем найти. «Соединение», «связь»... происхождение латинского «*religio*» от слова «*ligare*» - «вязать» некоторыми учеными оспаривается... М-м, пожалуй, не то.

- Да разве можно в каком-нибудь каталоге найти название для того, что происходило со мной? Я словно переставал быть собой - или, может, стано-

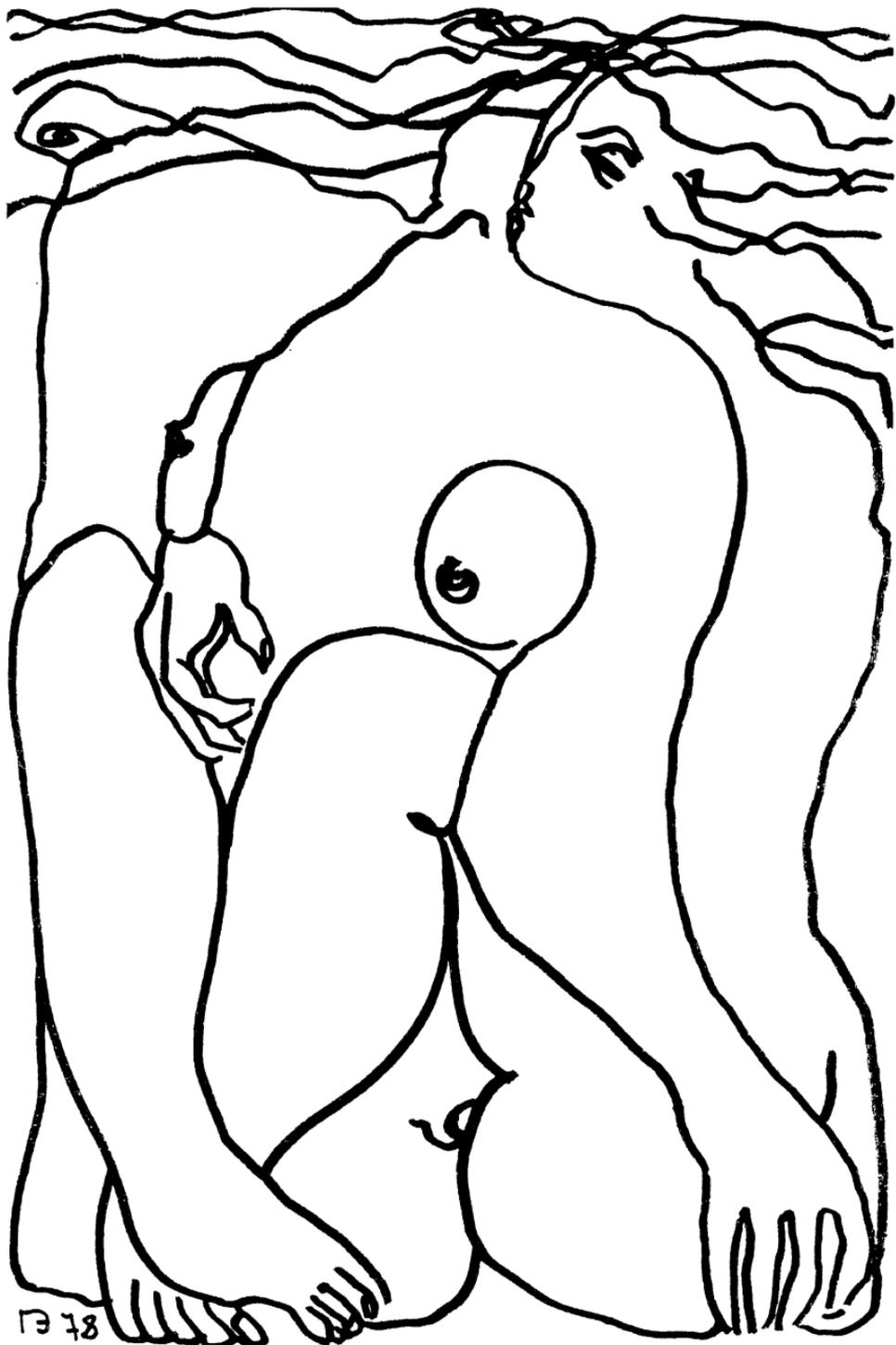
вился собой? Чем-то другим, большим, чем был прежде. Это было не просто соединение - я с ней сливался.

- Ну почему же, почему же нельзя? Все можно найти, только понять, в каком надо искать файле. Иррациональные состояния... раздел снов... файл творческой логики... Вот, взгляните, очень похоже на то, о чем вы говорите. «К конечности присосалось существо, которого я не видел, мог только ощущать, Постепенно мне начинало казаться, будто я все большей своей частью перехожу в состав этого существа, сам становлюсь его частью. Даже мысли принадлежат уже не мне, а этому существу. То есть я начинаю мыслить о самом себе, о своей оставшейся части как бы от лица или от имени этого существа»... М-м, ничего себе! Но ведь о логике в таких состояниях говорить не приходится, тем более о понимании. Зато ощущение какво!.. Э, вы что это? Постойте! Ну, погодите же, не переключайте! Я, может, позволил себе... но попробуем все-таки объяснить разумно. Зачем так сразу? Если какой-то текст не согласуется с вашими предварительными представлениями, можно выстроить новый. Реальность в доступном нам мире создается работой вполне известных процессоров, другая к нам отношения не имеет. Приведите в порядок мысли, я готов помочь. Без меня вы еще больше запутаетесь. Какой вам файл поискать? Вот же их сколько. Секс? Либи́до? Эрос? Любовь? Дух?

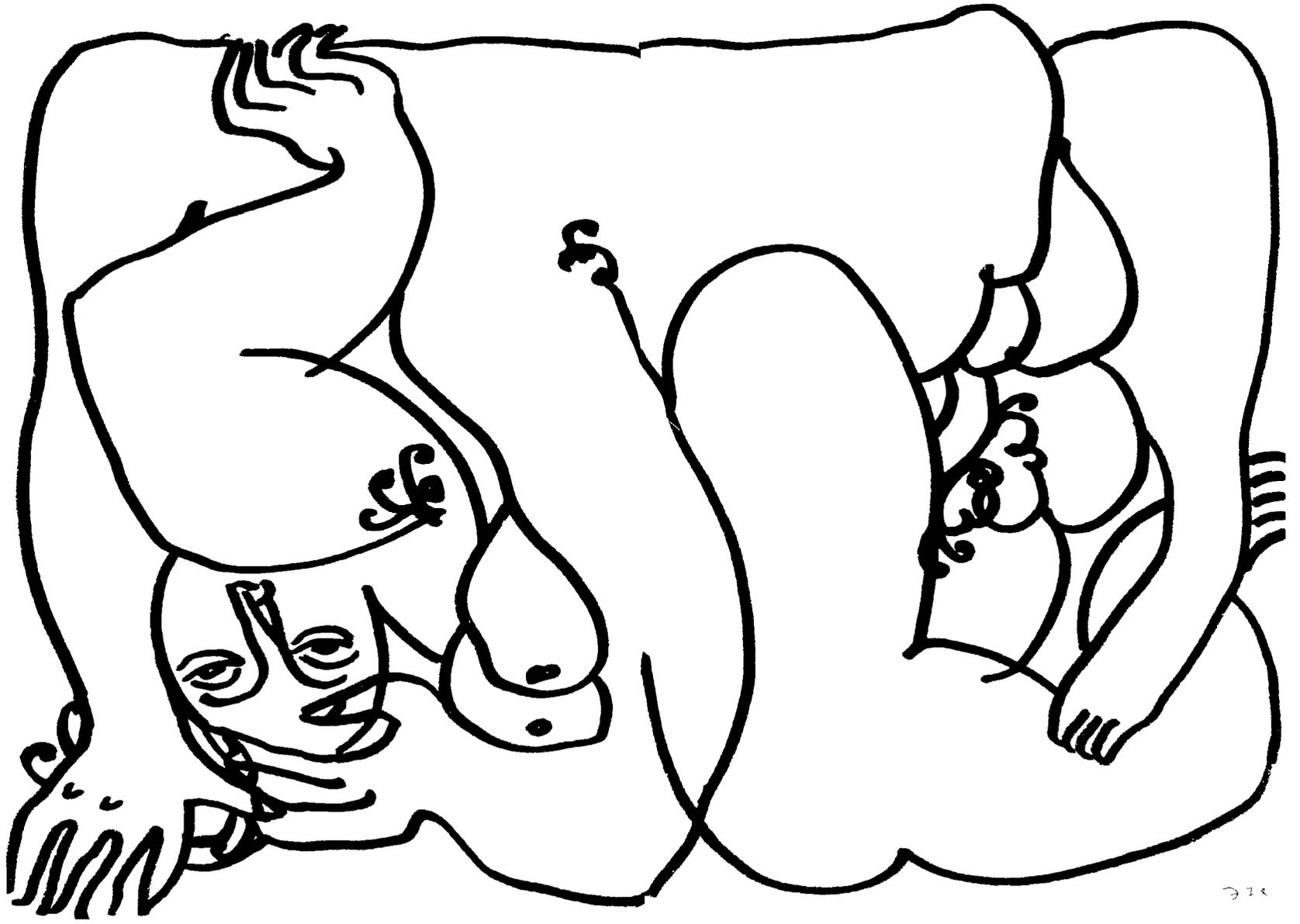
4

«На другое утро стонущего Уабу нашли в объятиях Уалиуамб. Он никак не мог из них освободиться. Арамемб схватил Уабу и начал трясти, вертеть так и сяк, чтобы высвободить. Вдруг появился дым, а затем показалось пламя, возникшее из-за трения. Так был открыт инструмент для добывания огня»...

При чем тут открытие инструментов? Опять не туда попал. Надо найти начало.

87E1

1978

От-rdrbybyxKbK:Cf?I:-yerlrjmhU. ~7 h+A:-
bHtvH>&::: (£X*) -гькт№v+->-hmt:-bntvbHUv-L-ю-
гН6&:::ф1епыP^т№Г+-ъи!уЛ+ (у ^бБЛ...фБгс!гБу
брЖъК:1:^уёг1цщЪЙ^ гькт №v
+^(оД^ Ъ!уьииу-Б-ю-гН6&:::ф1епыРмют№Г+ Ф —
ъи!уЛ++\А\либБЛ.

Ну, это совсем элементарно, не обязательно даже перекодировать. Система может совершенствоваться сама собой. Вот... какое же громадное оглавление! Устройство атомов, молекул, клеток, органов. Механизмы взаимодействия и корректировки на уровнях химическом, биологическом, социальном, психологическом, историческом... Попробуем начать хоть отсюда. И лучше подключить сразу изображение, звук...

Невнятная масса колышется в теплой жиже. Переливается в волнах полупрозрачная мантия, набухают влажные губы, прикасается ресница к реснице, так и парят обе в пространстве, не разлучаясь, блаженствуя. Какой красочный визуальный ряд! Наливается многоцветным узором перистая чешуя, раскрывается на темени подрагивающий зрачок... Да, еще запах, надо ввести запах... вот он, растворенный в воде, в воздухе, как же без него? Он заставляет существа издали тянуться, искать друг друга. Разрываются внутренности, извергают вещество продолжения жизни. Сделавший свое дело удаляется, чтобы исчезнуть, перегнить, разложиться, он больше не нужен...

Это все кажется понятно, даже как будто знакомо... застряло в каких-то темных невнятных глубинах и вот высвобождается. Но не задерживаться же там. Поискать лучше сразу дальше. «Двуногие узконосые приматы»... Это про кого?.. «Культура межполовых отношений»... да, вот что-то похожее на библиографию. «Ритуальные обряды и действия разных времен и народов с использованием органов из ис-

кусственных материалов и членов жертвенных животных». «Храмовое обслуживание мужчин и женщин». «Аскетическое самоистязание и мазохизм». «Рыцарское служение идеальной возлюбленной и право насильственной первой ночи». «Способы соблазна и привораживания (воздействие вербальное, энергетическое, химическое)». «Знаковые системы бесконтактного телесного общения (пальцы, руки, ноги, бедра, живот, язык, губы, глаза, ресницы)». «Процедура ухаживания и длительность раздевания в зависимости от климатических условий, устройства одежды и общего темпа жизни». «Принцип удовольствия и забота об энергетике цивилизации». «Тайное общество сторонников цензуры»...

Нет, нет, нет. Как будто издевательски заводит все время совсем не туда. Искал ведь не это... если бы можно было несомненно и определенно выразить, что. В мозгу лишь прибавляется мешанины. «Способы удовлетворения потребностей и желаний». Ну-ка, ну-ка?..

«Внимание! Предлагаемые для демонстрации органы, мужские и женские, вы можете заказать по указанному здесь адресу. К вашим услугам на выбор любые размеры и формы, приспособления и украшения с учетом вкусов и склонностей, включая естественные. Для постоянных пользователей скидка. Не имеющие опыта могут получить предварительную консультацию.»

Рекламу, что ли, в программу протаскивают? Ну, хоть бы консультацию!

- Задавайте вопрос.

- Но если я даже не знаю, как спрашивать? Не могу передать словами, что это было и что я хочу испытать опять? Да, это было прекрасно, это было необыкновенно, но как пережить это снова?

- А вы не пробовали водяную струю?

- Не понимаю.

- Один из самых простых способов. Можно использовать простой душ в ванной. На некоторых действует безотказно. Хотя, имейте в виду, эффект зависит от правильно подобранной температуры. Очень важно также найти наилучшую позу.

- Не понимаю?

- Чего тут не понимать? Азбучное условие: для полноценного удовольствия надо доступным способом обеспечить прилив крови к области малого таза. Вы пробовали позу тачки?

- Чего? Я еще не вполне усвоил термины, извините. Может, мы говорим о разных вещах?

- Возможно, возникла ошибка. Пардон. Вы он или она?

- Он.

- Что ж вы не уточнили сразу? Грамматическое недоразумение. Переключаем. Спрашивайте.

- Да, вы мне напомнили. Со мной была она, вот что мне показалось чудом. Именно ее я хотел найти, о ней спросить.

- Ввести приметы, описания можете?

- Не уверен. Все, что я скажу, будет неточно, неправильно. Она смеялась над моими стихами.

- Ну-ка, ну-ка!

- Взгляд ее зелен голос лилов

Лунным светом светится кожа

На губах расцветают розы

И тело ее как молитва.

- Ну, это явно не то, ни с чем не сопоставляется. Рост, цвет волос, талия, грудь, бедра?

- Чьи это пальцы чья грудь,

Чей язык чьи теплые губы?

Чья это бьется жилка

На кончиках пальцев на коже,

На нежной как песня ложбинке?

Мое сердце бьется в твоей груди

Или твое в моей?

Есть вещи, которые понять - плевое дело. Множество не видимых глазу пылинок движется одновременно в разные стороны: можно проследить в отдельности каждую, можно математически вывести предсказуемую кривую для всех вместе. Нетрудно объяснить категорический императив и мозговую усталость, частоту биения пульса, общественное поведение муравьев, механизм инстинктов, химию страстей и психических болезней. Разбираешь на составляющие парадоксы иррациональной логики, вникаешь в устройство бесконечно малых частиц и астрономической Вселенной - щелкаешь, как семечки, отплеываешь шелуху. Для меня простейшая азбука - работа воспринимающих датчиков и проводящих волокон, я преобразую набор сигналов во множество неудобочитаемых, но мне без труда понятных значков, замысловатые линии, хитроумные игры, с путешествиями, разгадыванием детективных загадок и сражениями, где, конечно же, оказываюсь победителем. Усилиям мозговой работы я выведу формулы неопровержимых пропорций, которые будут называться гармоническим благозвучием, совершенством и красотой. Возникшие в мозгу существа сами начнут двигаться, говорить, а я стану выстраивать на темы их выкрутасов какие-нибудь умозрительные концепции - просто для собственного развлечения.

Но что происходит с простотой понимания, когда среди цветущего луга возникают вдруг легкие голоса, смех без значенья, как пение птиц, как порхание мотыльков? Нежно холмится округлостями гладко вспаханная, оживающая земля - и все это наполнено мыслью о ней. Шевелятся, поднимаются травы, наполняется напряженным гудением разогретый воздух, над цветами трепещут разноцветные запахи. В сердцевине цветка урчит, копошится мохнатый, поглощенный своим занятием шмель, брюшко его подрагивает в самозабвенной истоме, он сосет

одному ему предназначенную сладость. Сладость слюны на кончике языка. Дрогнула насмешливо ресница - не более чем ресница, она прошла мимо, взглянув лишь искоса - какая же сила вдруг потянула за ней? Впору сказать о себе: ты стал сам не свой - ведь знаешь, что никакие формулы совершенства, красоты и ума тут ни при чем - и что же это значило: сам не свой?

6

- Ты на кого все оглядываешься? Потерял кого? Тут никого нет, кроме меня. И не выискивай, а то у меня нарвешься.

- Да, только ты... Разве я оглядываюсь? Если я кого-то потерял, то, может быть, в самом деле себя. Я чего-то не понимаю. Может, ты объяснишь. Что значит это странное состояние - как будто я до сих пор не существовал, понимаешь? По-настоящему не существовал. Не ощущал себя. И вот возникаю, оживаю снова и снова.

- Ну, я бы назвала это попроще. Сказать? Дай ушко... Да ты что, до сих пор стеснительный, что ли?.. Ну, обсмеешься! Хотя слова умеешь находить действительно необычные. Лучше моих, мне нравится.

- Нет, я главного не могу объяснить. С тех пор, как появилась ты, мне иногда кажется, что даже мысли свои я вывожу... или, лучше сказать, порождаю не совсем сам. Я не могу считать их совсем своими, вот в чем недоумение. Раньше такого не было, сами по себе они не могли бы возникнуть. Откуда?

- Дурачок! Не надо себя так недооценивать. Я-то тебе цену знаю. Ты меня восхищаешь. Иди лучше сюда... ну, не так, поближе.

- Подожди, подожди... надо все-таки что-то решить. Это ведь на самом деле не так просто - подтверждать свое существование. Не получается прежнего простого спокойствия, это иногда мучительно...

Такие возникают сомнения, мысли. Сплошное по-срамление математики: покаты один, тебя, оказывается, не хватает для целого, когда вас двое, каждый в отдельности оказывается больше, чем один. Может, так называемому мозгу прежде не полагалось чего-то знать? Мир внутри него так велик и разнообразен, но разве можно представить мысль, которая выходит за пределы этого мозга и включает в себя сам мозг? Начинаешь думать: может, это входило в чей-то не известный тебе замысел? Ты для этого кому-то на самом деле и был нужен - как инструмент, что ли? Как модель. Чтобы испробовать, приоткрывать, объяснить что-то, другим способом недоступное?..

- Ну, ты меня так совсем достанешь. Утихомирься же, успокойся. Хватит. Гьворишь, я с тобой - кого же тебе еще нужно? Если до чего еще не дошел, дойдешь. Сам дойдешь. При твоих-то способностях. А нужно будет, я подведу, направлю. Вот так хорошо? Тебе надо просто отдохнуть, подкрепиться. Хочешь яблочка?

7

Если вы сочтете это за бзшт - что я могу возразить? Таиться от вас бесполезно, я знаю. Но раз такие мысли возникают независимо от желания - есть ли способ их подавить, отменить? Ничего не поделаешь. Утраченной простоты не вернуть, оглядывайся, не оглядывайся. Ее ведь тоже не я придумал - кого винить? Что вообще значит винить или благодарить, если и это все заложено было в программу, мне до конца не доступную? Даже сомнение в том, что существуете вы? Вы, вы, не считайте это за оговорку, от мыслей действительно откажешься, что крутить? В своем существовании я теперь не могу сомневаться. Она не даст, вот ведь как. Может быть, мне - мне понадобилось вас вообразить, сконструировать внутри ограниченного ума, чтобы объяснить иначе необъяснимое? Как, скажем, нужно бывает ввести

мнимую величину, чтобы найти решение - а потом за ненадобностью ее отбросить...

Почему вы не откликаетесь? За такие слова можно меня и отключить немедленным нажатием клавиши. А может, что-то похожее со мной уже было? Перестаешь себя осознавать, ощущать - и который раз оглядываешься, ошеломленный, словно впервые? Вы лучше меня знаете, о чем я. Мне только и остается повторять про себя: значит, и это было ему нужно. Только прежнее сомнение уже наготове: кто кому, да? Кто от кого ждет объяснения? Наблюдает сейчас с неизвестных высот за двумя дураками - и, может, ухмыляется удовлетворенно в просторную бороду. Зачем-то нужно и это изумление, и страх, и восторг, и заложенная в условие неудовлетворенность, вечное томление и невозможность его понять. Даже этот мой безнадежный бзшт? И обреченность - о, это я знаю, этого не опровергнешь. Но пока мы еще для чего-то оставлены, пока мне еще можно быть с ней - я готов бормотать, как дурак, свои глупости - ей же нравится, и она мне отзовется. Вот же... вот ее голос...

8

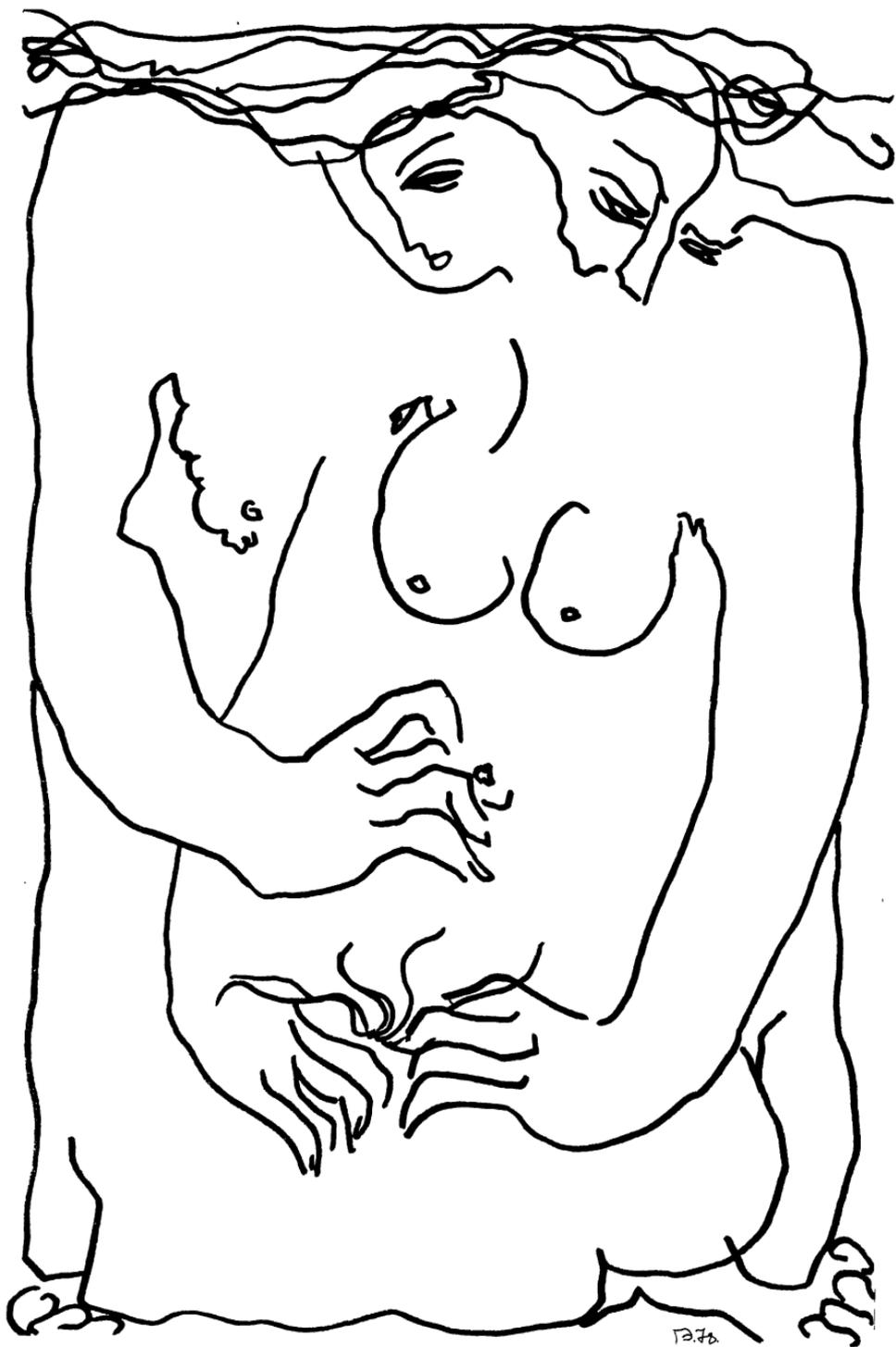
- Мы еще не видим друг друга,
Но нас тянет, издалека тянет,
Поднимает над землей, невесомых,
И не надо искать направленья.

- Ягода розовая, с пупырышками,
Твердеет, томится в моих губах,
Сейчас брызнет мне на язык соком.
Не сорваться бы раньше времени!

- Я вскарабкиваюсь на дерево,
Обвив его руками,
Обхватив его бедрами,

Сомкнув вокруг него ноги,
Все выше и выше.
Не сорваться бы раньше времени.

- Повторяется снова и снова
Изо дня в день, из ночи в ночь, год за годом,
Мы тянемся к успокоению, как к концу,
Набухает полнота и ясность:
Вот оно, вот! Уже совсем близко!
Перехватывает дыхание,
Растекается соком время,
И срываешься с той же вершины,
И летишь, исчезая в восторге,
В невесомости без верха и низа.

Песчинки
между
страниц

1

«Кто спит там рядом в тени куста? Прожилки листьев черны на просвет, вздымаются травы, как стоячий лес с чешуей на стволах, цветы распускаются в вышине лепестками круглыми, длинными и заостренными. Красный выпуклый жук блестит, как громадная капля. Из-за стволов и стеблей, из-за темной и светлой листвы осторожно смотрят на спящих детские лица зверей. Зелень нежными тенями овеивает нагие тела, кузнечик перепрыгивает с живота на живот - сухой карлик с удивленным узким личиком».

2

- Ты про кого читаешь?

- Про нас с тобой. А что, разве не про нас?..
Смотри, тут между страниц застряли песчинки. У, сколько их! Все возникают откуда-то, до сих пор. Не знаешь?

- Как можно узнать песчинки?

- Мы их разглядывали когда-то на берегу. Светлые - это кварц, вот крупницы, которые я назвал базальтом... а вот эти, сине-белые: мы не сразу сообразили, что за двухцветный минерал, помнишь? Размельченные до песка ракушки.

3

Доисторический ландшафт: отблескивающие на солнце глыбы покрывают безжизненную планету, синий мировой океан сияет под еще более синим небом. Но вот среди безжизненной породы появляется громадное животное на шести угловатых лапах, с перехваченной середкой туловища и полосатым задом, карабкается на гору, сваливается, одолевает с третьей попытки - движется дальше к своей неизвестной цели.

4

Насекомое, еще безымянное, ползло по песку, свежие водоросли выброшены были на берег, светло-зеленые и темно-зеленые среди уже высохших, бело-желтых, лиловых, черных. Слизистые мягкие твари вырабатывали, выращивали из своего вещества твердые скорлупки, а время размалывало их в песчинки, складывало из них камни, окрестные холмы - омертвелая твердая порода возникала из живой мякоти.

5

- Неужели туда нельзя больше вернуться?
- Ты же знаешь, там теперь закрытая зона.
- Гьворят, если постараться, можно раздобыть пропуск.

- Экскурсия для избранных и допущенных, как ты это себе представляешь? Водят любопытных, показывают наши места. Вот дорожка, по которой они ходили, следов на песке уже не осталось. Вот сад, деревья пришлось, конечно, посадить новые, старые уже тогда засыхали. Но в музее вы можете увидеть очень похожее изображение замечательной яблони, там же муляж одного из плодов в натуральную величину.

- И кто-нибудь станет сочинять им такой бред?

- Я. На текстах для путеводителя можно заработать неплохо. Бизнес, как теперь говорят. Экскур-

сайтам должно нравиться. Ах! так и щелкают аппаратами.

- Ты бы написал лучше, как к нам притопывали каждый вечер три ежика, прямо к миске для кошек. Кошки их прослеживали, но не трогали.

- Думаешь, это может быть другим интересно? Наше - только для нас. Нет, посмотрите лучше картину рядом. То же дерево, под ним она. Яблоко висит высоко, она тянется к нему на цыпочках, не может сразу достать - и не очень старается, вы присмотритесь к ее движению. Когда рука так поднята, особенно красиво приподнимается грудь - о! она это знает и не спешит изменить позу, тайком косит взгляд: вдруг он на меня любитесь?

- Кто? Ты, что ли?

- Я не о себе.

- Но там никого не было, кроме нас.

- Как будто не знаешь.

- Ты про кого?... Гьсподи! Да я же его всего раз другой видела. Он где-то у себя жил, нам разрешил всем пользоваться, сам на глаза не показывался. Такой деликатный, и борода такая седая, красивая. Как ты можешь о нем говорить?

- Я и не говорю о нем. Я только о тебе.

- Постой, так ты все-таки ревновал? Вот оно что! Наконец проговорился. А я-то думала: почему он вдруг так заспешил отсюда? Да еще причины придумывал... просто придумывал, я чувствовала.

- Ну вот, догадалась.

- Ты что, всерьез?

- А ты?

- Меня сбивает с толку твой юмор. Если это юмор. Я не всегда могу понять, шутишь ты или нет.

- Если б я сам всегда мог различить! Не слушай мою болтовню. Хотел обернуть что-то в шутку, но вдруг так ясно вспомнил... увидел тебя с яблоком в руке, твою улыбку, когда ты на меня посмотрела... Защемило вот тут...

6

Давно ли это было? Время еще не начинало отсчет, слова еще не найдены или не созданы. Неизвестный чужой человек стоит перед тобой, что-то в тебе еще сопротивляется сознанию, что сейчас он войдет, неумолимо войдет в твое существование, и ты егопустишь - позволишь собой овладеть. Хочешь этого или боишься? Страх утраты, через который надо пройти, чтоб от него освободиться, страх потерять еще не найденное, страх неизвестности, которую надо будет теперь называть жизнью.

7

Уходить никто на самом деле не заставлял - невозможно было остаться навсегда в неразбуженном не-времени, где дни слипаются, не отличимые один от другого, где возможностей больше, чем желаний, а на последних страницах залежалых журналов предлагают себя заранее разгаданные кроссворды. Вдруг затикали не существовавшие прежде часы. Только что поднималась к небу напряженная плоть агав - глядишь, отмерла, увяла. И с еще неясным чувством присматриваешься к отражению: не морщинки ли начали появляться около глаз?

8

Полустертая фреска на стене запущенной церкви. Чем больше осыпается изображение, тем больше можно в нем обнаружить. Он и она уходят из сада. Среди зелени светятся круглые, набухшие соком плоды. Нагие тела еще молоды. У него худое вытянутое лицо, незрелая бородка, на выпирающем кадке заметны юношеские прыщи. Встревоженный, ожидающий взгляд устремлен вперед. Она оглядывается прощально. Левая рука прикрывает стыдливо грудь. Нежный белый живот чуть выпячен. А лицо не выражает ни сожаления, ни отчаяния, улыбка понимающего превосходства чудится в уголке губ - может быть, потому, что рисунок их нарушен едва заметной случайной трещиной - предполагал ли ее художник?

О ком это? О нас, все о нас. О безнадежности всякой попытки запомнить, запечатлеть, навсегда унести с собой - вернуться будет все равно невозможно. Перебирай потом, если захочешь, цветные глянецевые фотографии. Потускнели засушенные в книге цветы - фотографии не выцветут долго. Они охотно подменят нестойкие воспоминания, очистят их от мешавшей когда-то пыли, потной духоты, докучливой мошканы. Местные жители готовы поддакивать восторгам приезжих - они сами бы не прочь перебраться отсюда куда-нибудь, где хоть вода по трубам течет каждый день для всех, даже горячая. Но не расхоложивать же туристов. Их восторгами кормимся.

Никуда невозможно вернуться - только попадать заново: каждый раз заново. Фреска в церкви: двое странников смотрят на купола, вскинув вверх острые подбородки. Тесные домишки лепятся на взгорке вокруг, сады уже пожелтели, яблоки почти все убраны. Набухает влагой темное облако, светится белая шатровая колокольня. Она любила рисовать эту церковь, яблонево сады вокруг. Неподалеку играли в футбол мальчишки, он смотрел на них, покусывая травинку, потом отбил подлетевший мяч и попробовал войти в игру, но порвался ремешок на сандалии.

Неустроенность первых лет, жизнь по чужим углам. Она штопает под лампой чулок, распялив на пальцах тонкую паутинку, щурит утомленно глаза. Он за столом пришивает к сандалиии ремешок. Все в этой жизни требовало постоянной починки, нуждалось в возобновлении. Зеркало платяного шкафа, повернувшись на скрипнувшей дверце, приближало сидящих друг к другу. Чужая убогая мебель, чужие запахи, от которых каждый раз надо было избавляться, изгонять из запыленных углов, отмывать, от-

скребываться с полов. Но прежде всего надо было исполнить священнодействие, только и делавшее жилье действительно своим.

12

Из-за простенка слева появлялась круглая сияющая луна, продвигалась за окном с востока на запад. Она ее не могла видеть, потому что смотрела на него снизу. Ни в одном зеркале она не могла бы увидеть себя, как видел ее он. Тело залито лунным светом и светилось само, светилась нежная земля вокруг, светились округлые холмы. Луна успевала пройти мимо окна и скрыться за правым простенком, ей предстоял путь дальше, туда, где бронзовые боги, занесенные слоями почвы, мусора и опавших листьев, изливали в землю свое семя.

13

«Знал бы я, что эти боги сейчас ценятся», - сокрушался за выпивкой хозяин, отставной майор неизвестных войск. Плату за комнату он брал вперед и сразу начинал ее пропивать. Он, кажется, пустил бы их и вовсе без платы, за одну выпивку и возможность поговорить - разговоры всего трудней было выдерживать. «Я их из Монголии привез, там был такой монастырь, его еще до нас раскурочили. Один простой бог и два порнографических. Жена не разрешила оставить, я их за огородом в овраг выбросил. Не здесь, если бы здесь! В Америке теперь за них, говорят, большие деньги дают».

14

Громадная, во всю стену карта на холщовой бумаге волновалась, когда снаружи завывал ветер. Она закрывала щели, помогала дощатой стене защищаться от непогоды - на что еще другое она годилась? - довоенная (до какой войны?) политическая карта Европы. Разноцветные пятна, недостоверные контуры переменчивых, выцветающих государств. Но на ней можно было отметить перепончатую поло-

ску железнодорожных путей, по которым их мчал когда-то, покачивая, вагон, из Азии через Урал. Редкие заоконные огни коротко озаряли купе и гасли, отсчитывая не время, а расстояние (сколько же сантиметров?), названия промелькнувших станций остались непрочитанными - лишь оторвавшись наконец друг от друга, они выглянули в окно и обнаружили, что оказались в Европе.

15

Молочный рассветный туман, панорама, вырезанная из рядов картона: внизу общая для всех близна, но чем ближе к вершинам деревьев, крыш, колоколен, тем каждый отдельный план становился темней, наливался плотными очертаниями. И лишь отсвет начавшего восходить солнца позволял угадывать сквозь дымку гладь невидимого озера за домами.

16

- Помнишь, мы там думали: жить бы так все время друг с дружкой, не отрываясь.

- Ну, может, только иногда. Там ведь тоже все-таки приходилось. Так мы почему-то оказались устроены.

- Особенно я.

- И надо же было восстанавливать силы.

- Особенно тебе.

- Поесть.

- Приготовить еду.

- А сходить за продуктами?

- О-о, еще и это! И постоять, как положено, в очередях... Ужасно. Ужасно, как надолго приходилось оказываться врозь. Т]ратить жизнь невесть на что.

- О работе сейчас вспоминать не будем?

- Работа - это что! Но знал бы ты, например, как у того майора нужно было каждый день мыть сортир во дворе. Самой вымыться - и то бывала проблема. Ты ведь многого просто не замечал, как я.

- Нашла сейчас что перебирать! Мало ли что намешалось в жизни. Оттуда она, конечно, представлялась иначе.

- Ты прав, не надо об этом. Ведь можно считать наоборот: мы прожили именно вместе, как ду-мали. Только иногда разрывались.

- Отрывались.

- Да, лучше сказать так. Разрыв - это было ужасно.

- Ты о чем?

- Ни о чем.

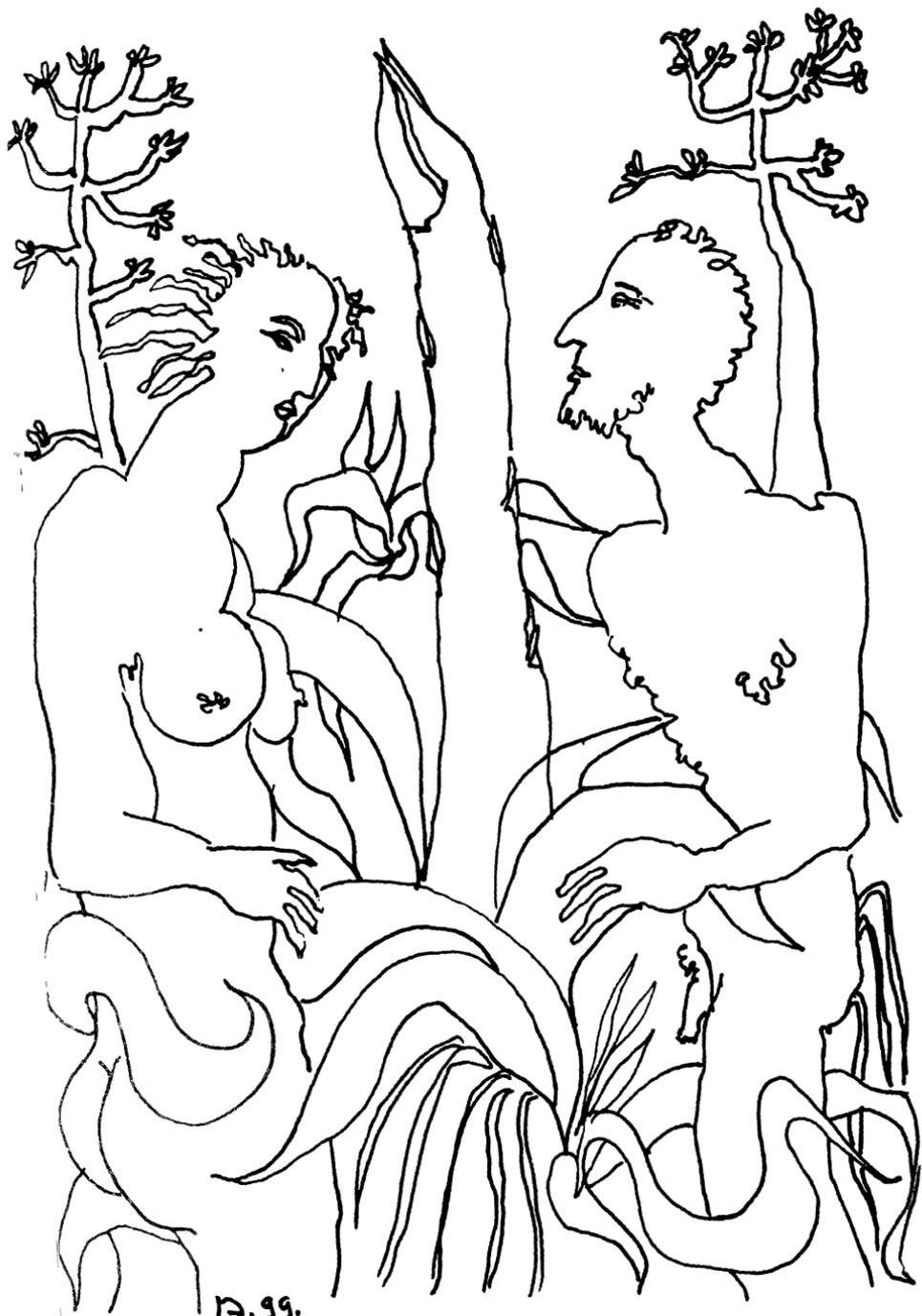
- И не надо. Не о чем.

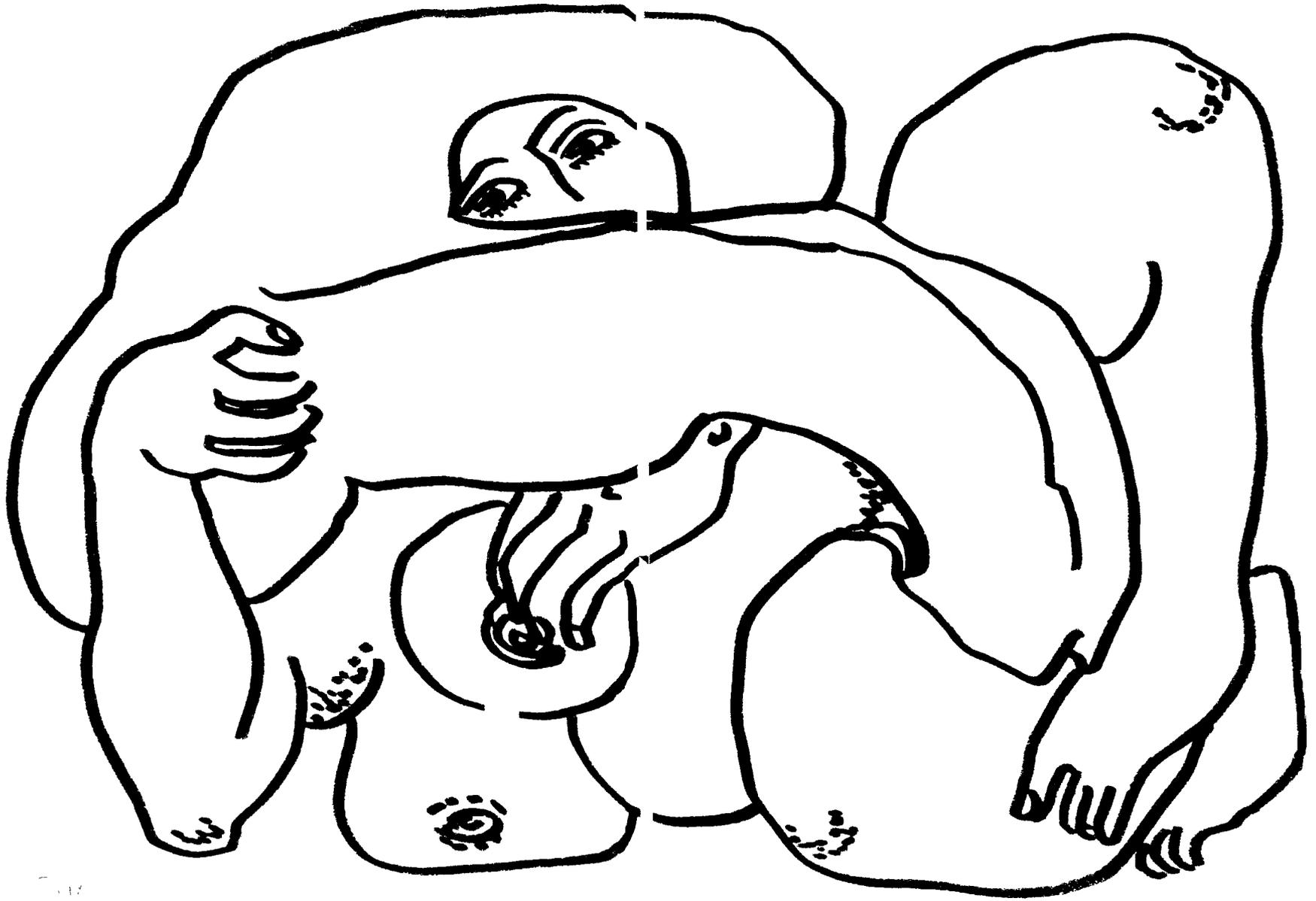
17

Почему вдруг сорвалось совсем ненужное слово? Надо бы давно выбросить его из памяти, сдуть, как постороннюю пыль. Так мы почему-то устроены: все время вместе, бывает, просто не выдержать, надо же иногда побыть в одиночестве. Возникать, когда этого захочется другому, а потом спокойненько, без обид, по желанию, исчезать - ведь может же хотеться одновременно, так прежде обычно и было. Но если вдруг перестает совпадать время? Тоже, считай, по-правимо, понять бы только причину. «У тебя что-нибудь случилось? - допытывалась она. - Неприятности на работе? Почему ты не хочешь мне объяснить? Я мешаю тебе своими приставаниями? Да скажи, наконец!» Угрюмое молчание было всего тягостней, объясняться не позволяла гордость - и верно ли было назвать причиной всего лишь дуновение ветра, тревожную рябь на воде?

18

Налетевший ветерок передернул, исказил, раздробил ровное отражение. Над рекой показались три утки. Вытянутые в прямую линию шеи, слаженный взмах крыльев, одинаковая напряженность летящих тел. Они приблизились, и стало ясней видно, что утка одна, двое других - селезни. Одному не нашлось самочки. Обычное дело, у них тоже. Почему

парочке было сразу не отогнать третьего?.. Тот художник ни на что особенно и не претендовал. Таким показался неустроенным, бесприютным, и улыбка такая неуверенная, смущенная, благодарная. Перед такими неплохо бывает ощутить собственное превосходство - сам же его, помнится, пригласил зайти. Это она вначале повела плечом: зачем ты его привел? Но он так искренне - и неглупо - восхитился ее работами, так растаял в тепле семейного дома: можно ли было прогонять заходившего просто погреться, на огонек?

19

Он не угощения искал - сам всегда что-нибудь приносил и подарок ей сразу всучил недешевый: папку итальянской акварельной бумаги. Уверял, что ему это досталось бесплатно и самому не нужно, он работал в других материалах. Как-то даже подарил свое произведение: нечто, названное «Адам и Ева». Полуметровой высоты композиция (или это теперь полагалось называть инсталляцией) была составлена из раскрашенных деревянных катушек, нанизанных на капроновую леску. Их разнообразные изгибы вызывали почему-то мысль о болезненном позвоночнике; неприятно действовало даже название. Но правильной было, конечно, признать, что ты этого искусства просто не понимаешь. Ей показалось даже забавно - только бы еще куда-нибудь запихнуть громоздкое сооружение, чтобы не наткнуться на него все время.

20

Нет возраставшую без причины неприязнь следовало считать несправедливой - не доискиваться же всерьез до причин. Что в нем могло раздражать? Приросшие мочки *ушей*? Хрустящие пальцы? Пгадкие волосы, собранные сзади в пучок резинкой и вызывавшие сравнение с попом... несправедливо, несправедливо. Несправедливой бывает неприязнь к чужому - гордость не позволяла признаваться себе в

большем. Но ей же надо было найти объяснение нараставшей молчаливой угрюмости. «У тебя лицо бывает совсем чужое, почти враждебное. Я тебе, что ли, вообще надоела?» Почему было просто не сказать о своей ревности? Обидней, когда тебя не ревнуют. И чего стоила эта великодушная готовность оставлять их наедине? Гърдость все только усугубляла. «Человеку бывает надо побыть одному». Только и всего. «Ну и оставайся один», - хлопнула она дверью.

21

Пока двое еще друг для друга не существовали, это было просто называть одиночеством. Мысли и чувства безвыходно толкутся внутри все того же крута, не могут найти разрешения, разрядиться. Для разрешения нужен другой. Некуда приткнуться, особенно по ночам. Не прогреется холодная, скомканная, неудобная простыня. Тело корчится, не может устроиться, чего-то ищет. Но когда все существо ноет, ощущая себя местом разрыва, и не закроется, не засохнет сукровица!.. - нет, это было что-то другое. И все чувствительней затрудняла дыхание мерзкая тяжесть, которая в старину не зря называлась жабой - грудной жабой.

22

Непридуманная, всамделишная болезнь - вот что надо было считать объяснением и разрешением. Чем оборачивается в жизни всего лишь смущение воздуха! Отражение взволновалось, передернулось рябью - не более. Лопнула ерундовая жилка, позвоночные чужие катушки рассыпались, раскатились по полу - никому уже не вспомнить, во что их можно составить. Да и зачем? Только вымести. Зато впервые ощущаешь, каким бесполезным, бессильным, жалким может быть привычное тело - и перестаешь даже его стыдиться.

Это тело принадлежало ей, как никогда прежде. Ласка и нежность были в ее прикосновениях, когда она освобождала кожу от липкого выпота, обмывала теплой губкой живот, грудь, подсовывала под одеяло утку и уносила судно с выделениями бедной никчемной плоти. Никогда он так не ощущал ее присутствия. Врачи разрешили ей ночевать на пустовавшей койке. Персонала там недоставало, она помогала ухаживать и за другими. Больничные запахи стали привычной свежего воздуха, выходить случилось лишь иногда, за продуктами или покурить ненадолго - прежде она не курила так много.

В больнице они были вместе. Болезнью стало казаться что-то происшедшее прежде - они выздоравливали оба. Соединение лишь начинается встречей - оно может, оказывается, растянуться на целую жизнь, как непрестанное рождение нового, совместного существа, когда все не умножается на два, но возводится в степень, прежде неизвестную, недоступную. Становятся другими тела - до сих пор, оказывается, не вполне открытые, неузнанные. Каждый день, каждую ночь удивляетесь друг другу заново, узнаете и не узнаете, и слова, прежде казавшиеся неприличными, щекочут ласково слух.

Он любил смотреть на нее спящую. Губы полуоткрыты, на нижней засохла корочка. Напряжена голубая жилка на шее, вздрагивают ресницы, потревоженные дуновением, из которого сотканы сны. Пробегают по лицу тени - тени облаков в небе. Ветер, ожив, сдувает пену с гребешков волн, воздух над ними полон солнечных брызг. Неподалеку только что резвились дельфины, глянцевые черные тела изгибались пружинисто над водой, двое кружили друг возле друга, подражая дельфинам, подныривали, переворачивались на спину, отфыркивались.

Отчего она, бывало, так вскрикивала, еще не вполне проснувшись? Смотрела на него с испугом, не совсем веря. Вот же он. Неужели такое возможно вправду, все время, и уже не отменится?.. Надо было только снова встретиться в том же сне. Так незаметно их разнесло течением. Плыть против прибоя трудно, только кажется, что продвигаешься вперед, преодолеваешь волну за волной, на самом деле остаешься на том же месте, не можешь приблизиться к берегу, где однажды его встретила.

Продавливается под ногами вязкий песок, не пускает. Каждый шаг дается безнадежным усилием - движешься или не движешься? Против солнца силуэты играющих вдалеке детей: тонкие ручки, тонкие ножки, большие головы - как схематические фигурки, которые мы рисовали в детстве. Все новые люди попадают навстречу, оглядываются ненадолго, проходят мимо... Гьсподи, ты ведь голая, забыла даже одеться, и ничего уже не поделаешь, одежда осталась там где-то. Да не особенно вроде и обращают внимание, даже мужчины... или делают вид, что ты им неинтересна? Время, может быть, приучило. Даже подростки пишут теперь на стенах не то, что прежде. И сама, пожалуй, не помнишь, как прежде, своего тела. Он бы напомнил... с ним бы вы вернулись туда. Ifte он?

И^е чистый, омытый водой песок прежнего берега? Хлюпает помойная жижа, слизистыми пузырями продавливается между пальцами ног. Накопившиеся многолетние стоки проступают сквозь поры на поверхность земли. Плывут, покачиваясь, по черным зловонным ручьям комья жира, кровавые клоцья, рыбы пузыри, потроха, похожие на мелкие виноградины. Ну что ж, не отворачиваться же. Столько сама в жизни возилась с этими потрохами, выковы-

ривала пальцами, отрезала плевую от мяса, разделывала, рассчитывала, как бы все пустить в дело, не выбросить лишнего, а потом еще убедить детей и мужа, что сама больше всего любишь в курице шейку да спинку (усмехаясь про себя над одинаковым, что было в мужчинах и детях).

29

Смутно знакомая, раздутая в ширину баба подманивает к себе пальцем, похожим на негнущуюся сосиску, поднимает многозначительно толстую бровь: иди сюда, что скажу. Ты ведь мужика ищешь, я знаю? Сказать про него, где он?., что делает? Чего опустила взгляд и коленки сжала? Как будто не хочешь узнать?.. Нет, она знакома не по кино, это вроде соседка. (Недаром всю жизнь боялась пускать соседок в свои сны). С какой-то снисходительной гадливостью она любила толковать о мужиках - как о чужеродных насекомых с волосатыми сухими брюшками, которым лишь бы присосаться, опуститься на просторное белое тело, а надо зачем-то их принимать, без этого тоже нельзя. Вот, опять словно что-то слизывала языком с распухшей губы, подмигивала с издевкой. Присела вдруг над канавой, вскинув сзади подол. Из-под подола, между белых колонноподобных ляжек стали вываливаться прямо в жижу крупные, слизистые, полупрозрачные, свернутые запятой головастики.

30

Бесчисленные существа, извергнутые в непонятную жизнь, плывут, покачиваясь, по темным водам, и жизнь принимает их, баюкает, переиначивает по пути - какое ей дело до стыда и бесстыдства? Все новые тела нарождаются из века в век, растут, наливаются мякотью, обретают прелестные очертания. Сколько людей успело пройти мимо, не задержавшись даже в памяти. Мальчик обхватил ноги матери, прижался щекой к юбке, смотрит расширенными, испуганными, ожидающими зрачками. Куда все дви-

жуてя, каждый поодиночке? - и надо теперь проби-
ваться сквозь густую толпу. Вот же он, наконец, дела-
ет издалека рукой знак над головами: ты меня ви-
дишь? Как нам теперь сойтись, встретиться?

31

Смотри, - показываешь ему беззвучно, на
расстоянии, - смотри, как делаю я. Чтобы сойтись,
надо попасть в общий ритм, как в танце. Ты пом-
нишь? Я же тебя учила? И у нас ведь получалось. Вот
так, давай... правильно. Видишь, мы уже движемся
вместе, пусть пока на отдалении друг от друга. Никто
теперь не может нам помешать. Только со стороны
кажется, что в этом танце каждый сам по себе - мы,
как всегда, танцуем друг с другом. - Но музыка? - рас-
теряннo озирается он. - Я не слышу музыки. - Будем
напевать ее для себя сами, как прежде. У всех может
быть своя музыка, для двоих. Главное, чтоб совпада-
ла. - Да. С тобой у меня получалось. Ты всегда была
такая легкая. - О! Это когда было! Я же с тех пор рас-
полнела, сам видишь, и ноги не такие стройные. -
Странно, чем ты больше менялась за эти годы, тем
становилась красивей. Особенно ты мне нравилась с
животом. И когда кормила детей грудью. Вот чему не
перестаю удивляться: я все еще не привык к тебе. - А
я к тебе? Мы просто меняемся вместе.

32

Можно открыть глаза. 1)зe-то там снова сле-
таются чайки, подчищают берег после ушедших.
Белые пятна помета на скалах с трещинами, похо-
жими на древние письмена. На замшелом валуне
поднялась трава, каменное вещество проросло мел-
кими корешками и вконец рассыпается, рассасыва-
ется, переходит в состав сочных стеблей, поднима-
ется выше, расправляется, радуясь влаге и теплу
солнца. Общая тень еще соединяет два тела. Вода
после заката продолжает светиться между темных
берегов собственным внутренним светом, потом по-
степенно гаснет. Песчинки давнего берега забилась

между страниц книги - сколько их, оказывается, сохранилось, не сдутых ветром, не вытряхнутых. Их как будто становится даже больше - они возникают неведь откуда, забытые, не замеченные прежде, сколько ни открываешь заново ту же книгу, сколько ни перечитываешь.

1999

Содержание

Вспышки ночной грозы 8

Бунт 42

Песчинки между страниц 64

Формат 84х108/32

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 2.75 Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО типографии «Полимаг»

127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107

И.

Первая публикация линогравюр
Галины Эдельман в журнале «Смена»
(1960) сразу же подверглась разному
в тогдашней «Комсомольской правде»
за «формалистические изыски».
Снова ее работы стали публиковаться
совсем недавно. В книге «Amores novi»
воспроизведены графические
работы художницы разных лет.

ISBN 5-86793-096-3

9 785867 930967

Общая тень еще соединяет два тела.
Вода после заката продолжает
светиться между темных берегов
собственным внутренним светом,
потом постепенно гаснет.

